ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXII

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

ВОСПОМИНАНІЯ О БЫЛОМЪ.

(1770—1833 гг.).

Изъ семейной хроники.

КАТЕРИНА Алексѣевна Сабанѣева, рожденная Прончищева, родилась въ Калугѣ 17-го мая 1829 г. и была старшей въ семьѣ; кромѣ нея, у родителей ея было три дочери. Мать Е. А. Сабанѣевой—Варвара Петровна, рожденная кн. Оболенская, дочь князя Петра Николаевича Оболенскаго и Анны Евгеніевны, рожденной Кашкиной. Эпизоды изъ жизни этихъ фамилій—Прончищевыхъ, кн. Оболенскихъ и Кашкиныхъ, и сообщаетъ Е. А. Сабанѣева въ своихъ воспоминаніяхъ.

Все время до замужества Екатерина Алексѣевна прожила со своими родителями и сестрами въ калужской деревнѣ, совершая вмѣстѣ съ ними частыя поѣздки въ Москву и по губерніямъ Калужской и Тульской, гдѣ проживали многочисленные ихъ родственники и друзья. Это долгое пребываніе въ деревнѣ и частые переѣзды сроднили ее съ русскою сельскою жизнью и дали возможность близко познакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ, главнымъ образомъ Тульской и Калужской губерній, и полюбить русскаго простолюдина.

Въ 1853 г. Екатерина Алексѣевна Прончищева вышла замужъ за Ѳедора Петровича Сабанѣева, который получилъ образованіе въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ и былъ, по отзывамъ лицъ, хорошо и близко его знавшихъ, человѣкомъ глубоко-христіанскихъ правилъ. Его служебная и общественная дѣятельность относится

главнымъ образомъ къ эпохѣ освобожденія крестьянъ. Этой реформѣ Ѳ. П. Сабанѣевъ отдалъ лучшій періодъ своей жизни и въ Калугѣ, гдѣ былъ мировымъ посредникомъ, и въ Кіевѣ; въ послѣдніе годы жизни онъ занималъ отвѣтственную должность начальника канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора. Екатерина Алексѣевна была посвящена во всѣ подробности службы мужа и такъ сжилась съ его дѣятельностью, что можно сказать, что они служили вмѣстѣ. Ѳедоръ Петровичъ былъ домосѣдъ и держался строгихъ житейскихъ правилъ: не любилъ гостей, не ходилъ ни въ клубъ, ни въ театръ; все свободное отъ службы время онъ удѣлялъ дѣтямъ, готовя съ ними уроки, читая русскихъ и иностранныхъ классиковъ и т. д. Екатерина Алексѣевна, прежде любившая общество, до самой смерти мужа вела ту же затворническую жизнь, всецѣло отдавшись воспитанію дѣтей, и только послѣ его смерти стала изрѣдка бывать у знакомыхъ и принимать у себя.

Ѳедоръ Петровичъ скончался въ Кіевѣ 25-го января 1876 г. Кончина мужа такъ глубоко поразила Екатерину Алексѣевну, что она долго и тяжело была больна, и ея семейные опасались за ея жизнь. Услыхавъ о кончинѣ своего хорошаго знакомаго, Ѳедора Петровича Сабанѣева, мой тесть Дмитрій Дмитріевичъ Благово (впослѣдствіи о. Пименъ), бывшій тогда рясофорнымъ монахомъ подмосковнаго Николо-Угрѣшскаго монастыря, выразилъ соболѣзнованіе его вдовѣ, которую знавалъ еще въ дни своей юности. Между ними возникла переписка, которая продолжалась до самой кончины Екатерины Алексѣевны, послѣдовавшей 29-го октября 1889 г. Мой тесть былъ знакомъ съ семействами Прончищевыхъ и князей Оболенскихъ въ Москвѣ, еще въ 40-хъ годахъ, будучи студентомъ Московскаго университета и вращаясь въ томъ же великосвѣтскомъ московскомъ обществѣ, въ которомъ протекли дѣтство и юность «Кати-розы», какъ называли въ то время въ Москвѣ Екатерину Алексѣевну Прончищеву. Оба корреспондента—монахъ, нѣкогда великосвѣтскій московскій юноша, и мать многочисленнаго семейства, скорбѣвшая о потерѣ нѣжно любимаго ею мужа,—невольно въ своихъ письмахъ припоминаютъ былое изъ ихъ давно прошедшей московской жизни. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній молодости и возникаетъ у Е. А. Сабанѣевой мысль изложить ихъ на бумагѣ. Вотъ что пишетъ она о. Пимену въ Римъ, гдѣ онъ былъ въ то время настоятелемъ русской посольской церкви, въ письмѣ изъ Кіева отъ 29-го января 1886 г.: «Ваше письмо дало моимъ мыслямъ направленіе къ воспоминаніямъ. Au fond il ne me reste de la vie que de pieux souvenirs! Это понятно. Вотъ я начала рыться въ перепискѣ моей съ матерью, съ друзьями, и нашла между прочимъ записки, составленныя давно мною: онѣ относятся къ моему дѣтству, юности и жизни у дѣда моего князя Петра Николаевича Оболенскаго, въ бывшемъ домѣ его въ Москвѣ, подъ Новинскимъ. За-

тѣмъ мнѣ пришло въ голову сгруппировать все это въ разсказѣ, и, съ помощью Божіей, за эти два мѣсяца явилась первая часть ея... [1]). Это все останется моимъ внукамъ и правнукамъ. Быть можетъ, найдутъ эту рукопись впослѣдствіи и, быть можетъ, вынесутъ изъ нея что нибудь несовсѣмъ безполезное». Въ октябрѣ 1887 г. Екатерина Алексѣевна отправляетъ отдѣланную окончательно рукопись своихъ «Воспоминаній» о. Пимену. Послѣ этого она излагаетъ на бумагѣ семейную жизнь своей матери и свою собственную, но эта часть воспоминаній не была послана о. Пимену, и гдѣ находится въ настоящее время,—мнѣ неизвѣстно. «Я люблю мой трудъ и продолжаю его,—пишетъ она ему 30-го ноября 1887 г.—Удалось найти старыя письма, изъ нихъ нѣчто пришлось кстати. Этотъ трудъ меня занимаетъ, перо довольно послушно мысли; затѣмъ, погружаясь въ прошедшее, отдѣляешься отъ мелочей дѣйствительной жизни, легче переносишь невзгоды».

Послѣ смерти мужа Екатерина Алексѣевна прожила въ Кіевѣ почти безвыѣздно десять лѣтъ, заботясь о дѣтяхъ и внучатахъ и называя себя поэтому въ письмахъ къ архимандриту Пимену «Марѳой, пекущейся о многомъ». Въ 1887 г., вслѣдствіе нездоровья младшаго сына, переселилась она въ Одессу, вмѣстѣ со старшимъ, женатымъ сыномъ. Здѣсь она скончалась 29-го октября 1889 года.

Хотя въ «Воспоминаніяхъ» Е. А. Сабанѣевой рѣчь идетъ о той порѣ, которую она лично помнитъ только отчасти и которая основана, главнымъ образомъ, на семейныхъ преданіяхъ и разсказахъ ея матери, но въ самомъ тонѣ повѣствованія уже ясны симпатичныя черты автора «Воспоминаній»: наблюдательный умъ, безпристрастіе, скромность, сердечная теплота, глубокая религіозность. Эти же черты нравственнаго облика Екатерины Алексѣевны еще полнѣе выражаются въ письмахъ ея къ архимандриту Пимену. Самостоятельность и критичность мысли—вотъ что особенно отличало умственныя качества Е. А. Сабанѣевой, по словамъ ея сына Ивана Ѳедоровича. «Эта самостоятельность и критичность мысли,—пишетъ онъ мнѣ,—особенно рельефно выступали въ ея отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ традиціяхъ дворянской розни людей между собою и во всѣхъ вытекающихъ отсюда предразсудкахъ, она, тѣмъ не менѣе, всѣ эти традиціи и предразсудки признавала только внѣшне, только по формѣ; внутренно же и въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно не дѣлала различія между людьми: со всѣми сходилась, прекрасно понимала людей всѣхъ сословій, всѣхъ религій, всѣхъ національностей—и люди такъ же къ ней относились, какъ и она къ нимъ. Съ ней были одинаково откровенны, разсказывая ей о своихъ дѣлахъ семейныхъ, о своихъ нуждахъ,

[1]) Эта первая часть соотвѣтствуетъ тремъ первымъ главамъ первой части печатнаго текста.

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

заботахъ, горестяхъ и радостяхъ—и военный генералъ, и простая русская баба, и мастеровой нѣмецъ, и торгашъ-жидъ».

Издаваемыя «Воспоминанія» Е. А. Сабанѣевой найдены мною въ бумагахъ покойнаго моего тестя архимандрита Пимена (скончавшагося 9-го (21-го) іюня 1897 г. въ Римѣ). Авторъ «Воспоминаній» письменно уполномочилъ о. Пимена проредактировать ихъ и сдѣлать тѣ измѣненія или дополненія, которыя онъ найдетъ нужными; на то же получилъ согласіе и я отъ сыновей Е. А. Сабанѣевой. Слогъ «Воспоминаній» столь характеренъ и образенъ, что въ немъ пришлось измѣнить лишь нѣкоторыя отдѣльныя слова и фразы, и я позволилъ себѣ сдѣлать измѣненія и дополненія главнымъ образомъ въ редакціонномъ отношеніи. Я иначе раздѣлилъ «Воспоминанія» на части и главы, такъ какъ въ началѣ эти отдѣлы были слишкомъ дробны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не было дѣленія на главы; въ большинствѣ случаевъ сохранены названія главъ, данныя Е. А. Сабанѣевой. Кромѣ того, я измѣнилъ заглавіе «Воспоминаній» именно такъ, какъ предполагалъ это сдѣлать о. Пименъ, на что выразила ему согласіе Екатерина Алексѣевна. Для объясненія и дополненія текста я снабдилъ его нѣсколькими новыми примѣчаніями; мои примѣчанія въ печатномъ текстѣ для отличія ихъ отъ примѣчаній автора «Воспоминаній» я означаю своими иниціалами Д. К., а примѣчанія Е. А. Сабанѣевой — ея иниціалами.

«Воспоминанія о быломъ», написанныя живымъ литературнымъ языкомъ, чуждыя произвольныхъ воззрѣній, ярко изображаютъ бытъ и нравы провинціальнаго русскаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX в.в. и сообщаютъ интересные эпизоды изъ жизни высшаго московскаго дворянскаго круга первой четверти текущаго столѣтія. Этими качествами они становятся весьма цѣннымъ вкладомъ въ до сихъ поръ еще не особенно богатую литературу русскихъ мемуаровъ, во многомъ дополняя записки Болотова, Данилова, Жихарева, Бутурлина и др., являясь такимъ образомъ еще новымъ источникомъ для бытовой исторіи русской общественности.

Д. Корсаковъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Съ ранняго дѣтства пришлось мнѣ проѣзжать немалыя пространства по двумъ губерніямъ моего дорогого отечества. Мои родители жили обыкновенно въ своемъ калужскомъ имѣніи, но часто предпринимали всей семьей путешествія то по Калужской, то по Тульской губерніи, гдѣ жили многочисленные наши родственники или добрые друзья. Бывали мы часто въ Калугѣ. Я хорошо помню Тарусу, Козельскъ, Одоевъ, Лихвинъ, Бѣлевъ, Алексинъ.

Ненарядна наша сѣверная природа: равнины, поля, рощи; очень обрадуешься хвойному лѣсу, если онъ встрѣтится на пути, и это бывало, когда приходилось путешествовать по теченію рѣки Жиздры въ Козельскомъ уѣздѣ, или же, какъ ѣзжали въ Москву, такъ подъ Серпуховомъ мы любили сосновый боръ и заливные луга; очень любовались ими.

Чѣмъ скупѣе природа на свои красоты, тѣмъ глубже впечатлѣніе, которое онѣ оставляютъ; полученныя же впечатлѣнія въ дѣтскомъ возрастѣ положительно теряютъ способность изглаживаться изъ памяти: теперь, когда я собираю для своихъ записокъ воспоминанія дѣтства, то слѣжу шагъ за шагомъ за развитіемъ моихъ чувствъ, мыслей, симпатій и антипатій, сложившихся у меня подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній моего дѣтства. Прошли годы, протекли событія. Прошла юность съ ея волненіями, зрѣлый возрастъ съ его трудами; настала старость съ ея недугами, тоскою и утратами, а мысль, стремясь въ прошедшее, роется въ немъ, ищетъ и находитъ, какъ послѣдовательно изъ этихъ дѣтскихъ впечатлѣній сложился весь строй и порядокъ моего нравственнаго бытія.

Эти рѣки, эти рощи, эти проселочные пути, по которымъ мы ѣзжали тогда съ родителями, оставили во мнѣ столь глубокія впечатлѣнія, что изъ нихъ, какъ изъ нитей, соткалось полотно всей моей нравственной природы. Для меня ясно, что на этой почвѣ родились и выросли въ душѣ моей привязанность къ родинѣ, къ народу, къ церкви; эти нити и впечатлѣнія дѣтства дали направленіе всему содержанію моей жизни.

Позволю себѣ теперь дать читателю весьма краткій обзоръ Калужской губерніи. Онъ его не утомитъ, но можетъ быть кстати при чтеніи этихъ записокъ.

Калужская губернія составляла долго часть Московской и занимала всегда видное мѣсто въ нашей отечественной исторіи. Въ 1658 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ присоединить къ Калужскому посаду село Спасское, принадлежавшее прежде Романовымъ, и съ тѣхъ поръ Калуга сдѣлалась довольно значительнымъ городомъ.

Калуга лежитъ въ 168 верстахъ отъ Москвы. Она сохраняла всегда тѣсную связь съ столицей, и вслѣдствіе этого на ней отражались всѣ историческія событія, волновавшія Россію. Въ 1812 г.,

при отступленіи изъ нашего отечества наполеоновскихъ полчищъ, Кутузовъ устраивалъ артиллерійскіе парки въ пяти верстахъ отъ Калуги; знаменитая битва близъ села Тарутина и сраженіе при Маломъ Ярославцѣ происходили на калужской территоріи.

Калужская губернія не можетъ считаться въ числѣ хлѣбородныхъ мѣстностей Россійской имперіи; почва тамъ глинистая; климатъ, хотя его называютъ умѣреннымъ, весьма непріятный; морозы и санный путь продолжаются около семи мѣсяцевъ въ году.

Народъ въ Калужской губерніи работящій, смѣтливый и способный. Калужскіе крестьяне являются и до сихъ поръ повсюду лучшими ремесленниками: они ходятъ далеко на промыслы, ѣздятъ на Кавказъ и въ Персію, торгуютъ тамъ канарейками, которыхъ разводятъ и выращиваютъ въ селѣ Полотняный Заводъ въ Медынскомъ уѣздѣ. Въ Одессѣ, въ гостиницахъ, часто встрѣчаешь цѣлый персоналъ дворниковъ въ красныхъ рубахахъ: это все расторопные молодцы калужане; въ Кіевѣ лучшіе печники и плотники изъ Калуги. Правда, что нужда научила калужанъ искать средствъ къ пропитанію другими путями, чѣмъ земледѣліе. «Вѣстимо,—говоритъ калужскій мужичекъ,—земелька у насъ плохая, глинка святая: глядишь, къ Аксиньѣ полухлѣбницѣ (24-го января) у хозяйки не осталось ни синь пороху муки, чтобы замѣсить хлѣбушки: семья хоть по-міру иди!» Впрочемъ, и внутри губерніи крестьяне находили себѣ заработки. Многія мѣстности Калужской губерніи изобилуютъ чугунною рудой, и скоро тамъ возникли чугунно-литейные заводы; затѣмъ при Петрѣ I существовали уже въ Калугѣ канатныя фабрики, кожевенные заводы, сортировка щетины: значитъ, и тутъ крестьяне получали заплатную работу. Торговое движеніе развивалось быстро въ Калужской губерніи, и продукты промышленнаго производства начали доставляться въ Балтійскіе порты. Судоходная широкая Ока протекаетъ по Калужской губерніи; кромѣ того, рѣки Серена, Угра и Упа служатъ для сплава товаровъ въ Мценскъ и Орелъ. Въ Козельскомъ уѣздѣ село Сухиничи служитъ складомъ пеньки, которую везутъ туда изъ Тульской, Полтавской и Орловской губерній и затѣмъ отправляютъ ее въ сѣверные порты.

При Петрѣ I Калуга была сначала приписана къ Московской губерніи, затѣмъ, въ 1719 году, назначена провинціальнымъ городомъ Калужской провинціи. При Екатеринѣ II она сдѣлалась главнымъ городомъ Калужскаго намѣстничества и при Александрѣ I, въ 1808 году, оставлена губернскимъ городомъ.

По дѣламъ духовнымъ Калуга была сначала подчинена Крутицкой епархіи, потомъ управлялась московскимъ архіереемъ, наконецъ 1798 году создана Калужская и Боровская епархіи, и дѣла духовныя получили въ Калугѣ самостоятельное управленіе. Очень можетъ быть, что въ этомъ случаѣ вліялъ московскій митрополитъ Платонъ, желая создать непосредственную, духовную власть тамъ,

гдѣ было много раскольниковъ: они являлись въ Калужской губерніи между купцами и экономическими крестьянами.

Къ этому краткому обзору Калужской губерніи прибавлю еще, что въ ней было много святыхъ обителей подобно тому, какъ и во многихъ другихъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества. Въ 15-ти верстахъ отъ Калуги лежитъ Тихонова пустынь (мужской монастырь); затѣмъ въ самомъ городѣ дѣвичій монастырь во имя Казанской Божіей Матери, а недалеко отъ города, въ довольно живописной мѣстности, Лаврентьева пустынь. Верстахъ въ семи отъ Калуги было въ древности городище при рѣчкѣ Калужкѣ. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ, въ домѣ помѣщика, явилась чудотворная икона Калужской Божіей Матери. Тогда былъ сооруженъ храмъ, въ который и перенесли икону; въ это село, Калужку, стекается множество богомольцевъ на поклоненіе чудотворному образу. Я помню, что въ юности мы предпринимали путешествіе пѣшкомъ на Калужку; она находилась верстахъ въ 25-ти отъ имѣнія моего батюшки.

Въ дѣвичьемъ Калужскомъ монастырѣ я тоже часто бывала у тетушки моей Софьи Дмитріевны Кашкиной. Помню я ея уютную, свѣтлую келейку, опрятно убранную. Войдешь, бывало, въ ея пріемную комнату—такъ тихо кругомъ; на окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски, горшки жасмина и герани; коверъ своей работы передъ диваномъ, подъ круглымъ столомъ, а по обѣимъ сторонамъ его чинно стоятъ небольшія кресла. Надъ диваномъ портреты родныхъ, въ переднемъ углу комнаты Распятіе: передъ нимъ теплится лампада. Лѣтомъ, бывало, окно открыто въ небольшой палисадникъ; тетушка собственноручно сажала и поливала свои цвѣты. И какія крупныя и пестрыя маргаритки тамъ цвѣли! любуешься ими, а изъ храма, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея кельи, доносятся звуки церковнаго пѣнія. Я часто гостила у этой тетушки; игуменья была тамъ добрая и кроткая мать Анжелика: я была еще ребенкомъ, и она щедро кормила меня вареньемъ и смоквами. Зато казначея, мать Аполлинарія, была высокая и плотная монахиня, строгая и суровая; я ея очень боялась.

Въ Калужской губерніи, въ Козельскомъ уѣздѣ есть еще обитель; воспоминанія о ней глубоко врѣзались въ мою память. Эта обитель носитъ названіе Оптиной пустыни. Видъ этого монастыря производилъ на меня особое впечатлѣніе, хотя мѣстность не поражаетъ исключительною живописностью; я всегда находила особую прелесть въ простотѣ его ландшафта.

Монастырь расположенъ на берегу рѣки Жиздры, въ сосновой рощѣ. Когда вы къ нему подъѣзжаете, то онъ является постепенно вашему взору изъ-за темной хвойной зелени, точно эти сосны берегутъ его подъ своею сѣнью отъ любопытныхъ взоровъ грѣшныхъ людей. Рѣка Жиздра огибаетъ одну сторону обители, затѣмъ, обратясь отъ нея въ другомъ направленіи, продолжаетъ свое теченіе по широкимъ полямъ и лугамъ и теряется на горизонтѣ передъ вашими глазами.

Усердіе мірянъ къ этой обители имѣло издавна большое значеніе въ Калужской губерніи; туда ѣздили дворянскія семьи говѣть, и многіе имѣли духовниковъ между иноками. При монастырѣ была гостиница для посѣтителей. Народъ несъ туда свою лепту; всякій искалъ тамъ поддержку для упованій и борьбы на пути земной жизни. Я помню тамъ старца схимника Леонида, мы ходили въ его келью испрашивать его благословеніе.

Затѣмъ прошло много лѣтъ. Я жила въ Кіевѣ, гдѣ столько святыни; эти впечатлѣнія дѣтства и юности исчезли изъ моей памяти. Но лѣтъ семь тому назадъ читала я романъ талантливаго нашего писателя Достоевскаго «Братья Карамазовы», и на страницахъ его я встрѣтила описаніе одного монастыря. Это описаніе невольно перенесло мои воспоминанія въ ту святую обитель. Въ лицѣ старца Зосимы, мнѣ казалось, я видѣла одного изъ схимниковъ; разсказъ о немъ у Достоевскаго вышелъ вѣренъ и характеренъ. Затѣмъ авторъ мастерски указалъ на ту связь, которая существуетъ въ нашемъ отечествѣ между всѣми сословіями и церковью; могучая кисть Достоевскаго бросила яркія краски на эту сторону русской жизни: передъ вами является ясно картина народныхъ вѣрованій, глубоко прочувствованная авторомъ. Скажу, однако, что страницы, которыя касаются кончины Зосимы, смутили меня смѣлымъ анализомъ положеній. Я осталась недовольна, будто уязвлена душой. Какой-то голосъ говорилъ мнѣ: «не то, не то!»

1883-й годъ я прожила на Кавказѣ. Я умилялась передъ величіемъ его природы, созерцала его цвѣтущія долины, могучіе бурливые потоки, снѣжныя вершины его горъ и забыла миловидные ландшафты моей родины, забыла нашу широкую Оку съ ея отлогими берегами. Но разъ какъ-то въ Кутаисѣ попалась мнѣ въ библіотекѣ майская книжка «Русскаго Вѣстника», кажется, за 1883 годъ. На ея страницахъ я прочла біографію Зедергольма. Я знавала его въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, онъ былъ сынъ важнаго по сану духовнаго лица при лютеранской миссіи въ Москвѣ. Въ то время молодой Зедергольмъ былъ студентомъ Московскаго университета, съ типомъ лица остзейскихъ нѣмцевъ, воспитанный въ патріархальной средѣ нѣмецкаго порядка. Зедергольмъ успѣшно окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ въ Москвѣ, былъ посланъ за границу отъ университета — передъ нимъ открывалась блестящая карьера. И этотъ Зедергольмъ бросаетъ ее, удаляется въ Оптину пустынь и произноситъ тамъ иноческіе обѣты. Онъ и въ кельѣ трудился надъ греческими манускриптами, но болѣзнь прекратила вскорѣ нить его жизни. Что побудило этого лютеранина, этого ученаго сороковыхъ годовъ, удалиться въ ту святую обитель?

Тогда опять я вспомнила Оптину пустынь и мои молитвы тамъ передъ престоломъ Божіимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОНЧИЩЕВЫ.

I.

Село Богимово.

Въ Тарусскомъ уѣздѣ рѣка Ока служитъ естественною границей двухъ губерній: Тульской и Калужской. По теченію Оки есть мѣста очень живописныя; то ея крутой берегъ покрытъ лѣсомъ, то онъ плоскій и отлогій, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ онъ представляетъ картину цвѣтущихъ заливныхъ луговъ, а въ іюнѣ богатыхъ покосовъ.

Но поселки по Окѣ отодвигались далеко отъ русла рѣки, вѣроятно, вслѣдствіе ея широкаго разлива въ весеннее время, и помѣщичьи усадьбы были рѣдки надъ Окою; развѣ-развѣ появлялись онѣ на ея кручахъ, гдѣ рѣка во время разлива не могла приносить вреда: эти усадьбы были самыя живописныя. Я помню таковую въ Тарусскомъ уѣздѣ—сельцо Колосово[1]) Чертковыхъ: оно поражало своимъ мѣстоположеніемъ. Но усадьба эта была не очень старинная; архитектура барскаго дома могла быть отнесена къ характеру построекъ временъ императора Александра I, балконъ представлялъ ротонду съ колоннадой подъ куполомъ. Сидимъ мы, бывало, лѣтомъ на этомъ балконѣ послѣ поздняго обѣда (у Чертковыхъ обѣдывали по-англійски, часовъ въ шесть) и любуемся Окой. Она разлилась широко внизу густого парка, а противоположный берегъ рѣки представляетъ равнину зеленыхъ луговъ; вдали на горизонтѣ, освѣщенный закатомъ солнца, въ розовомъ свѣтѣ его послѣднихъ лучей, является, какъ на ладонкѣ, хорошенькій уѣздный городокъ Алексинъ Тульской губерніи. Этотъ городокъ, съ группой строеній и церквей на полугорѣ, давалъ жизнь и особую прелесть ландшафту. Но я бы-

[1]) Сельцо Колосово въ 1830-хъ годахъ принадлежало Александру Дмитріевичу Черткову. Въ Москвѣ было два Черткова, оба Александра и оба Дмитріевичи. Тарусскаго помѣщика Александра Дмитріевича называли денежнымъ, ибо у него былъ домъ въ Денежномъ переулкѣ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софьѣ Павловнѣ Мещерской. Другой Александръ Дмитріевичъ Чертковъ былъ московскимъ предводителемъ дворянства и былъ женатъ на графинѣ Чернышевой. *Е. С.*

вала въ Колосовѣ въ 1839 году и помню его во всемъ блескѣ затѣй, вывезенныхъ тогда подъ впечатлѣніемъ недавней поѣздки Чертковыхъ за границу; древнія же усадьбы въ нашемъ Тарусскомъ уѣздѣ строились скорѣе внутри уѣзда, по берегамъ рѣкъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ судоходная Ока. Такова была рѣка Мышинга въ Тарусскомъ уѣздѣ—она впадаетъ въ Оку, противъ самаго Алексина; въ этой мѣстности оказалась желѣзная руда, и вскорѣ на этой незначительной рѣкѣ возникъ чугунно-литейный заводъ [1]).

Вверхъ по Мышингѣ являются крестьянскіе поселки, деревушки: параллельно ея теченію проходилъ когда-то большой трактъ Калужской казенной дороги. Мышинга — не широкая рѣка; то она вьется между лугами, то одинъ изъ ея береговъ вздувается горками, которыя покрыты хвойнымъ лѣсомъ, иногда осинникомъ или березникомъ. Природа тутъ довольно миловидна; у самаго русла рѣки растетъ ивнякъ съ его блѣдною, голубоватою зеленью, дальше группируются ольхи съ ихъ темною листвой; между букетами этихъ деревьевъ являются лужки и болотца, изъ которыхъ подымаются часто стада дикихъ утокъ и куропатокъ. Дичи много въ этой мѣстности. Мышинга—прелюбезная рѣчка; она имѣетъ способность служить обитателямъ ея береговъ, сообразуясь послушно съ ихъ требованіями: такъ, надъ ея русломъ является плотина, задерживающая ея воды въ глубокій прудъ, надъ которымъ работаетъ чугунно-литейный заводъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, по ея берегамъ лѣпятся крестьянскія избушки, и она течетъ, скромно журча по камешкамъ, такая мелкая и ничтожная, что надъ ней царятъ крестьянскіе ребятишки, которые съ самой весны ставятъ верши и ловятъ раковъ въ ея такъ называемыхъ бучилахъ.

Въ 1770-хъ годахъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, по теченію Мышинги было расположено село Богимово, Тарбеево тожъ. Крестьянскій поселокъ съ ветхими избушками и плетневыми огородами тянулся вдоль теченія рѣки по обоимъ ея берегамъ, изъ которыхъ одинъ подымался, постепенно возвышаясь, и терялся на горизонтѣ, представляя съ одной стороны едва замѣтную полоску лѣса и равнину полей, а другой берегъ былъ гористый, въ овражками, вершинками и осиновою рощей, изъ-за которой виднѣлся деревянный барскій домъ съ садомъ. Недалеко отъ барской усадьбы, на полугорѣ, стояла ветхая деревянная церковь съ кладбищемъ; немного ниже домикъ священника съ крылечкомъ, избы причетниковъ... Проселочная дорога вьется по горѣ мимо этихъ построекъ, крутая, глинистая, съ глубокими колеями и рытвинами по обѣимъ ея сторонамъ: она теряется на горизонтѣ.

---

[1]) Въ 1830-хъ годахъ Мышингскій чугунно-литейный заводъ принадлежалъ князю Бибарсову.

Е. С.

Картина этого сельскаго вида имѣла всегда что-то грустное; эта ветхая деревянная церковь, съ крышей, поросшей мохомъ, кладбище съ оградой, въ которой, тамъ и сямъ, не досчитывалось всѣхъ продольныхъ переборовъ; какъ-то угрюмо и непривѣтно было въ этомъ мѣстѣ. Даже народъ богимовскій отличался тою же угрюмостью и въ особенности приниженностью: пройдите по деревнѣ, окликнете кого изъ мужиковъ,—они неохотно будутъ съ вами гуторить, точно они глуповаты, не то глуховаты, недовѣрчивы и упрямы.

Барская усадьба съ довольно большимъ деревяннымъ домомъ, смотритъ не то убого, не то бѣдно, не то таинственно. Замкнутость всюду какая-то, точно въ монастырѣ.

Село Богимово принадлежало въ то время Іонѣ Кононовичу Прончищеву; онъ былъ разбитъ параличемъ и впадалъ почти въ дѣтство.

Изъ родословной Прончищевыхъ мы видимъ, что этотъ родъ далъ двѣ вѣтви дворянскихъ фамилій: Потресовыхъ и Прончищевыхъ. Не думаю, впрочемъ, чтобы онѣ восходили слишкомъ далеко своею древностью, или чтобы онѣ вышли изъ Орды; однако при Петрѣ Великомъ одинъ изъ предковъ Прончищевыхъ былъ во главѣ экспедиціи, посланной царемъ въ Сибирь для изслѣдованія устьевъ рѣки Лены, другой былъ отправленъ посломъ къ одному изъ иностранныхъ дворовъ. Теперь этотъ родъ угасъ: послѣднимъ изъ рода Прончищевыхъ былъ мой отецъ Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ [1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Прончищевыхъ, сообщаемымъ Е. А. Сабанѣевой, считаемъ небезынтереснымъ прибавить слѣдующія данныя на основаніи «Русской родословной книги», составленной княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ (см. 2-е изданіе, Спб., 1895 г., т. II, стр. 136—139), и другихъ источниковъ. Предокъ Прончищевыхъ по ихъ родословной былъ Иванъ Васильевичъ Прончище, выѣхавшій изъ Польши на службу къ московскому великому князю Іоанну III, въ 1488 году; но это семейное преданіе не можетъ быть почтено достовѣрнымъ, такъ какъ сыновья Ивана Васильевича Прончищева являются въ службѣ уже у внука Іоанна III, царя Іоанна Васильевича IV, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVI вѣка, т.-е. черезъ 80—90 лѣтъ по выѣздѣ ихъ отца изъ Польши. Среди служилыхъ людей московскаго государя нѣкоторые изъ Прончищевыхъ стали занимать болѣе или менѣе видныя должности лишь съ начала XVII в., а именно съ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Такъ, Осипъ Яковлевичъ Прончищевъ въ 1618 г. посланъ къ шведскому королю Густаву-Адольфу для утвержденія Столбовскаго мирнаго договора, а въ 1625 г. былъ посломъ къ крымскому хану. Его потомство выдвигается на служебномъ и преимущественно дипломатическомъ поприщѣ при преемникахъ царя Михаила Ѳеодоровича въ теченіе всего XVII вѣка. Сынъ Осипа Яковлевича, Аѳанасій Осиповичъ, въ 1632 г. ѣздилъ посломъ къ турецкому султану, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 г., получилъ чинъ думнаго дворянина; онъ † 30 декабря 1660 г. О немъ см. «Акты Московскаго государства», изданные императорскою академіей наукъ, подъ редакціей профессора Н. А. Попова, т. I., Спб., 1895 г., стр. 378, 379, 535. 573. Сынъ Аѳанасія Ивановича Прончищева, Иванъ Аѳанасьевичъ, былъ посломъ

Добрые люди разсказывали, будто этотъ владѣлецъ села Богимова былъ въ свое время человѣкъ разумный и добрый, что прежде жилось хорошо въ его семьѣ, что если богатства не было, то и недостатковъ не терпѣлось. Мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ его назвать было нельзя, ибо въ Богимовѣ числилось за нимъ ревизскихъ 100 душъ; земли было при имѣніи достаточно, такъ что можно было жить и не тужить. Оно въ сущности и было такъ, но дѣло въ томъ, что Іона Кононовичъ потерялъ нѣжно любимую имъ супругу, отъ которой у него остался сынъ Алеша еще въ колыбели; тогда, ради этого ребенка, онъ призвалъ къ себѣ на жительство сестру свою, Мавру Кононовну, пожилую и степенную дѣвицу; она имѣла и свое маленькое имѣньице, однако, поставивъ тамъ надъ хозяйствомъ смѣтливаго мужичка старосту, рѣшилась переѣхать къ братцу въ Богимово. И вотъ съ той поры въ Богимовѣ жизнь потекла пасмурно, все вокругъ стало глядѣть сентябремъ; таковъ ужъ былъ нравъ у Мавры Кононовны. Надо, конечно, отдать ей полную справедливость въ томъ, что порядокъ въ домѣ она умѣла содержать и нравы блюсти самымъ строгимъ образомъ, но у нея все выходило рѣзко, докучливо, и все окрашивалось мрачными красками. И при ея управленіи тяжело жилось въ Богимовѣ, особенно, когда хозяинъ послѣ параличнаго удара сталъ жить совсѣмъ дѣтскою жизнію.

Къ племяннику своему Алешѣ Мавра Кононовна относилась всегда строго; когда онъ подросъ, она взяла дьячка для обученія его грамотѣ, была весьма довольна его успѣхами, ибо мальчикъ былъ очень смышленый и бойкій: даже ради преуспѣянія въ наукахъ Мавра Кононовна пригласила ему въ товарищи Прошу Крюкова, крестника Іоны Кононовича, сына одного изъ ближайшихъ богимовскихъ сосѣдей. Такъ вотъ и шло образованіе въ тѣ времена, и бо́льшаго не требовалось, особенно въ провинціяхъ. Если-бы отецъ Алеши былъ здоровъ, то, можетъ быть, иначе устроилось бы его жизненное поприще; но при властолюбивой тетушкѣ племянникъ росъ, сознавая надъ собою ея полнѣйшій авторитетъ, да и пока не мечталъ еще ни о какой карьерѣ.

Мавра Кононовна была пресолидная и преосновательная особа. По гостямъ ѣздить не любила; развѣ только въ годъ раза два ѣздила она на Калужку или въ село Боръ на поклоненіе чудо-

---

въ Швеціи въ 1660 году, затѣмъ служилъ въ разныхъ приказахъ, участвовалъ въ 1682 г. на Земскомъ соборѣ, уничтожившемъ мѣстничество, и дошелъ до чина окольничаго. Два его сына были стольниками; старшій изъ нихъ Петръ Ивановичъ († 1700 г.) при царевнѣ Софьѣ получилъ также чинъ думнаго дворянина, а меньшой, Михаилъ Ивановичъ († 1702 г.), служилъ стольникомъ при царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Прончищевы XVIII в. спускаются въ ряды заурядныхъ офицеровъ реформированной Петромъ Великимъ арміи и не идутъ по службѣ выше чина премьеръ-майора. *Д. К.*

творнымъ иконамъ: положительно всѣ сосѣди забыли дорогу въ село Богимово, съ тѣхъ поръ, какъ она тамъ поселилась.

Напримѣръ, хотя бы священникъ села Богимова, отецъ Даніилъ, который, при покойной супругѣ помѣщика, часто заходилъ въ барскіе хоромы, являлся теперь къ Маврѣ Кононовнѣ только по дѣламъ церкви. Надо сказать, что сельское духовенство было всегда въ большой зависимости отъ помѣщиковъ, которые имѣли всѣ средства помогать священнику и причту, входя въ ихъ домашнія нужды, или же оставаться къ нимъ равнодушными. Мавра Кононовна ходила въ церковь, не пропуская ни одной заутрени, прикасалась губами къ рукѣ священника, получая отъ него благословеніе, но она не была склонна видѣть въ немъ человѣка или ближняго. Попъ возбуждалъ въ ней даже чувство недовѣрія и враждебности, соединяясь въ ея воображеніи со всѣмъ духовнымъ сословіемъ, къ которому дворянство относилось всегда свысока. Нерѣдко въ обществѣ слышались тогда такія мнѣнія: «если и хорошій священникъ, а все же кутейническое отродье; а у кутейника глаза завидущіе, а руки загребущія». И Мавра Кононовна была убѣжденій той среды, въ которой родилась и жила. По природѣ своей она была эгоистична и неспособна смягчаться передъ нуждами ближняго, между тѣмъ какъ ея собственные интересы выступали въ жизни всегда на первый планъ. Чужая бѣда слабо касалась ея сердца, и если кто спотыкнется на жизненномъ пути, она рѣзко говорила: «по дѣломъ вору и мука». Пользуясь сама отличнымъ здоровьемъ, она не сочувствовала ничьимъ страданіямъ и презирала страждущихъ. Она очень долго сохранила свѣжесть и физическую красоту; можно сказать, что она была классически хороша собой и даже въ старости имѣла длинную густую косу, въ которой не было ни единаго сѣдого волоса. Странно, что при такомъ запасѣ здоровья и силъ душевное ея настроеніе носило мрачный характеръ: все покрывалось въ ея глазахъ неудачей и тяжелыми предчувствіями. Она была убѣждена, что какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ домомъ и родомъ Прончищевыхъ. Предвидѣнія не то пожара, не то крушенія никогда не оставляли ея воображенія.

Она всегда жаловалась, все берегла на черный день: въ Богимовѣ будто никогда не было праздника, а все подъ рядъ будни. Домашняя провизія была у Мавры Кононовны раздѣлена на возрасты и, достигши, по ея понятію, зрѣлости, являлась на столъ часто несвѣжею. Зорко наблюдалась подъ счетомъ всякая тряпка; кладовыя и амбары запирались собственноручно самою барышней (такъ называли въ домѣ Мавру Кононовну), и она носила всегда въ большомъ бархатномъ ридикюлѣ связку ключей, которой никогда никому не довѣряла.

Несвѣтлое и нерадостное было дѣтство Алексѣя въ домѣ отца,

при такой тетушкѣ: немудрено, что нравомъ онъ сдѣлался тоже недовѣрчивъ, упрямъ, даже хитеръ. Власть тетки была слишкомъ сильна, чтобы возможна была съ нею борьба; но не разъ въ дѣтствѣ Алеша съ Прошей забирались черезъ окно въ ея кладовую и похищали тамъ орѣхи, яблоки и пряники. Послѣ и доставалось же имъ за это, но «съ злой собаки хоть шерсти клокъ». Поучитъ дѣтей Мавра Кононовна розгами, да и спокойна на нѣсколько мѣсяцевъ; въ тѣ времена не задавались наблюденіями за дѣтскими впечатлѣніями или анализомъ дѣтскихъ характеровъ; тогда не говорили о развитіи дѣтей, но главнымъ принципомъ было держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Несмотря на все это, Алексѣй выросъ и превратился въ статнаго, красиваго юношу и наружностью походилъ на тетку. Черты его лица были правильны; темные волосы откидывались назадъ, густо обрамляя высокій лобъ; каріе глаза были красивы, но брови надъ ними имѣли способность дрогнуть иной разъ гнѣвомъ и страстью. Ему пошелъ уже семнадцатый годъ. Русскую грамоту онъ хорошо усвоилъ и писалъ куда красивѣе своего учителя, богимовскаго дьячка, бойко читалъ, даже любилъ заниматься книжками. Мавра Кононовна, вообще недовольная всѣмъ и всѣми, была однако удовлетворена степенностью племянника, находила, что его образованіе совершенно соотвѣтствуетъ его дворянскому достоинству, и рѣшила даже, что скоро придется записать юношу на службу царскую: чего ему дома баклуши бить? Обстоятельства, на которыя она всегда жаловалась, сложились, однако, совершенно согласно съ ея желаніемъ, и даже гораздо скорѣе, чѣмъ могла предполагать Мавра Кононовна.

II.

Сельцо Даньково.

Сельцо Даньково было въ трехъ верстахъ отъ Богимова и принадлежало Крюкову. Родъ Крюковыхъ весьма древній. Они вышли изъ Большой Орды и вели свой родъ отъ Салахоміра Мирославича, принявшаго при крещеніи имя Іоанна. Салахоміръ Мирославичъ выѣхалъ къ великому князю Олегу Рязанскому и женился впослѣдствіи на его сестрѣ Анастасіи. Крюковымъ принадлежалъ когда-то городъ Ростиславъ [1]). Минуя то мѣсто, гдѣ по горѣ, мимо Богимовской церкви, вьется крутая проселочная дорога, пойдутъ поля по обѣ стороны ея, и мѣстность дѣлается совершенно ровная,

[1]) См. «Родосл. книгу» князя П. В. Долгорукова, т. II, стр. 113. Отъ одного родоначальника съ Крюковыми происходятъ Апраксины, Вердеревскіе и Хитрово. О Крюковыхъ см. замѣтку Вл. Михайловича «Старая жалованная грамота», Истор. Вѣстн., 1883 г., кн. 5, и «Энциклоп. слов.» Брокгауза, кн. 32. Д. К.

вы проѣдете съ версту, будетъ поворотъ налѣво, сверните тогда на эту боковую дорогу, проѣзжайте еще съ версту, и вы доѣхали до сельца Данькова.

Въ лѣтнее время Даньково имѣло видъ особенно привлекательный въ своей скромной деревенской простотѣ. Когда вы къ нему подъѣзжаете, по правую сторону дороги явится передъ вашими глазами большая сажалка, или прудъ, обнесенный валомъ; ивовыя деревья идутъ въ два ряда по этому валу и образуютъ аллею, которая огибаетъ этотъ искусственный прудъ съ одной стороны, съ другой же стороны ивовая аллея начинаетъ рѣдѣть, деревья стоятъ уже въ одинъ рядъ, склоняются ниже надъ водою, и берегъ безъ насыпи естественно подымается до ея уровня; по этому берегу раскиданы въ безпорядкѣ крестьянскія избушки съ огородами; стоятъ тамъ и сямъ плетневыя клетушки и амбарчики.

Садъ тянулся по лѣвую сторону дороги, густой и тѣнистый; онъ былъ обнесенъ хорошимъ плетнемъ, обрытъ канавой, заросшей травой, а подъ плетнемъ густой каймой росъ мелколистный, низкій крыжовникъ, и зрѣли на солнцѣ его красныя ягодки. Деревянная крыша и бѣлыя трубы барскаго дома едва виднѣлись изъ-за яблонь, вишенъ, калины и черемухи; тамъ, гдѣ кончался плетень сада, начинался невысокій заборъ барскаго двора съ хозяйственными постройками. Домикъ былъ небольшой, одной стороной онъ точно прятался въ густой садъ, передній же фасадъ, съ каменнымъ бѣлымъ фундаментомъ и крылечкомъ, глядѣлъ весело во дворъ, большой и просторный. Строенія групировались въ немъ не тѣсно между собой, тамъ и сямъ росли ивы, березки и елочки, усадьба была не богатая, но уютная и веселая.

У Крюковыхъ было единственное дѣтище, сынъ Проша, въ которомъ они души не чаяли; отецъ неустанно работалъ ради Проши, и денно, и нощно, не брезгая ни сохой, ни бороной, ни заступомъ. При числящихся при сельцѣ Даньковѣ 30-ти ревизскихъ крестьянскихъ душахъ, полевыя работы у него шли успѣшно, всѣмъ жилось въ Даньковѣ хорошо и привольно. Сосѣди завидовали этой мелкопомѣстной семьѣ.

У Даньковскаго барина мужички забыли, что они крѣпостные и рабы; ни крику, ни расправы не было въ этомъ уголкѣ Тарусскаго уѣзда. Помѣщикъ управлялся со своимъ народомъ какими-то, ему одному присущими, пріемами и средствами. Народъ этотъ копошился возлѣ него, точно муравьи въ муравейникѣ. Въ этомъ маленькомъ Даньковскомъ государствѣ было тоже министерство; оно состояло изъ двухъ лицъ: Логина и Савишны. Первый былъ и садовникомъ, и кучеромъ, и сторожемъ, вторая же была въ довѣріи у барыни, и на ней лежали всѣ должности по женскому хозяйству: она ходила, что называется, въ ключахъ, затѣмъ, когда Крюковымъ Богъ даровалъ наслѣдника, Савишна усердно

приняла его на свои руки и выняньчила его съ великимъ стараніемъ и даже успѣхомъ. Сынъ этотъ былъ крестникомъ Іоны Кононовича Прончищева и хотя былъ гораздо моложе Алексѣя, но сдѣлался почти единственнымъ его товарищемъ дѣтства и юности. Они учились вмѣстѣ грамотѣ у Богимовскаго дьячка, вмѣстѣ ходили сначала по рощамъ, по грибы и по ягоды, затѣмъ вмѣстѣ стали ходить съ ружьемъ по болотамъ за дичью или удить рыбу въ бучилахъ.

Характеръ даньковскихъ помѣщиковъ до того располагалъ къ довѣрію, что Мавра Кононовна даже благоволила къ нимъ и являлась иногда въ Даньково, хотя рѣдкою, но тѣмъ не менѣе желанною гостьей. И Крюковы ко всѣмъ относились съ равнымъ привѣтомъ и радушіемъ; въ Даньковѣ для каждаго посѣтителя изыскивалось и находилось угощеніе или угожденіе. Въ сажалкѣ у нихъ водились крупные караси и налимы; кто постится по средамъ и пятницамъ, даньковская барыня непремѣнно при отъѣздѣ того гостя велитъ всунуть въ экипажъ ведро съ рыбой, либо яблоковъ моченыхъ въ узелокъ завяжетъ на дорогу, либо орѣховъ каленыхъ,—добрые и привѣтные были даньковскіе помѣщики!..

Но не суждено имъ было порадоваться долго на единственнаго сына Прошу: ему было 15-ть лѣтъ всего, когда онъ лишился обоихъ родителей и остался на попеченіи Логина и Савишны.

Этими двумя существами все продолжало вестись въ Даньковѣ прежнимъ порядкомъ, и, видно, эти порядки имѣли твердую почву, ибо все шло по прежнему масштабу, какъ заведенные часы, и жизнь вовсе не измѣнялась вокругъ молодого наслѣдника и хозяина Данькова.

Проша Крюковъ былъ въ то время высокій, неуклюжій, бѣлокурый юноша, съ полнымъ румянымъ лицемъ; губы его часто складывались въ дѣтскую наивную улыбку, кудри упрямо набѣгали на лобъ, насовывались близко надъ бровями, няня Савишна всякій день собственноручно расчесывала эти кудри и за обѣдомъ подвязывала салфетку большому дитяти, чтобъ неравно не облился.

Няня Савишна была высокая, сухопарая старуха, изъ-подъ сѣдыхъ густыхъ бровей ея глядѣли огромные сѣрые глаза. Она ходила всегда въ синемъ затрапезномъ сарафанѣ, въ бѣлой кацавейкѣ съ узкими рукавами и повязывала голову темнымъ платкомъ по-старушечьи, степенно и аккуратно, такъ что сѣдые волосы развѣ на вискахъ иной разъ выбивались изъ-подъ него.

И жилъ молодой Крюковъ въ своемъ родовомъ гнѣздѣ весьма счастливо. Онъ часто ѣзжалъ въ допотопныхъ дѣдовскихъ дрожечкахъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, со всѣми дружилъ, со всѣми охотился; онъ былъ любимъ въ околоткѣ и мало заботился о будущемъ. Въ Богимовѣ онъ тоже бывалъ ежедневно; молодые Прончищевъ и Крюковъ видались каждый день, и вотъ мы заглянемъ въ Даньково въ одно іюньское утро.

Это было въ Петровки. Полдень. Въ воздухѣ никакого движенія, на небѣ ни одного облачка. Все тихо вокругъ Даньковской усадьбы.

Въ этотъ день мужички начали косить, едва только заря занялась. Работа шла живо; быстро обкосили лужокъ, что̀ подъ барскимъ садомъ, поспѣли и на свою работу на лугъ, что̀ позади ихъ огородовъ подъ рощей. Къ полудню деревня точно заснула, всѣ отдыхали, прикурнувъ по клѣтямъ, либо гдѣ нибудь въ холодкѣ.

Въ воздухѣ было душно, на барскомъ дворѣ никого изъ прислуги не было видно, тишина всюду невозмутимая.

Передъ окнами кухни, на веревкѣ, протянутой отъ длиннаго шеста къ черемухѣ, сушилось бѣлье на солнцѣ; подлѣ сруба колодца валялось опрокинутое ведро, стояло корыто, и стадо утокъ, опустивъ носы въ его грязную воду, мутило ее, изрѣдка покрякивая. Насѣдка съ цыплятами врылась въ пыльную ямку и мигала глазами отъ яркихъ лучей полуденнаго солнца, сѣрая овчарка нашла тѣнь подъ навѣсомъ амбара и вытянулась точно мертвая, свѣсивъ голову между перильцами. Въ домѣ окна были открыты, ситцевыя занавѣски задернуты и не колыхались.

Вдругъ, со стороны сада, по верхушкамъ деревьевъ пробѣжалъ легкій порывъ вѣтра; онъ точно взъерошилъ макушки черемухи и калины, въ то же время занавѣски въ окнахъ шевельнулись въ одну сторону, хлопнуло гдѣ-то плохо затворенное окно, бѣлье заколыхалось на веревкѣ, и вдали послышался глухой раскатъ грома. Сѣрыя облака помчались по небу, заслонили солнце, и крупныя капли дождя забили въ тактъ по деревянной крышѣ дома.

На крыльцѣ барскаго дома показались два юноши, хозяинъ Прохоръ Крюковъ и гость его, Алексѣй Прончищевъ. Проша сталъ на верхней ступенькѣ крыльца подъ навѣсомъ, охвативъ одною рукой его деревянный столбикъ; онъ подался однимъ плечемъ впередъ, протянулъ руку и, какъ шаловливый ребенокъ, получалъ съ удовольствіемъ подавшія на нее съ крыши струи воды. Глаза его внимательно слѣдили за облаками, которыя то быстро неслись по небу, то замазывали его сѣрою, какъ дымъ, массой. Дождь изъ крупнаго превратился въ мелкій и частый, онъ обѣщалъ разойтись, громъ только въ дали погромыхивалъ. Гроза прошла видно стороной, захвативъ Даньково только крылышкомъ.

Алексѣй постоялъ на крыльцѣ, поглядѣлъ на небо и присѣлъ на лавку.

— Гроза пошла дальше,—говорилъ онъ,—а небо замазывается, сулитъ непогоду. Сѣно твое, Проша, въ рядахъ лежитъ, это плохо, у насъ на широкомъ лугу вчера его скопнили—оно вѣрнѣе.

— Что и говорить,—отвѣчалъ Проша и сѣлъ на лавку подлѣ гостя.—Оно если и разведритъ, если и высохнетъ, а все того цвѣта уже не будетъ. Досада! У меня-то, куда ни шло, лужекъ

подъ садомъ самый маленькій, копенъ десять тамъ больше не станетъ, а вотъ мужики нынче весь свой лугъ повалили. Не въ пору этотъ дождь.

Молодые люди сидѣли на крыльцѣ, бесѣдовали, не обращая больше вниманія на дождь, который, то усиливался, то опять прекращался. Имъ было такъ хорошо въ это іюньское утро тутъ на крылечкѣ. Воздухъ освѣжился послѣ грозы, травка во дворѣ свѣжая, зеленая, деревья стоятъ подъ дождемъ, точно радуются влагѣ, точно ихъ умываетъ этотъ благотворный небесный благодѣтель!.... Няня Савишна приходила не разъ на крылечко, она любила поглядѣть на молодыхъ господъ. Отворитъ тихонько дверь, высунетъ изъ-за нея голову и вновь скроется въ хоромы. Она обѣдъ варила: надо все изготовить и накормить дѣтушекъ.

Разговоръ между молодыми людьми перешелъ скоро съ покоса на будущую ярмарку въ Алексинѣ. Она долженствовала быть на самый Петровъ день. Имъ обоимъ очень хотѣлось туда съѣздить: по городу походить, коней поторговать, людей посмотрѣть и себя показать.

— Такъ какъ же это, Алеша?—говорилъ Проша,—такъ таки мы и не катнемъ на Петровъ день въ Алексинъ? такъ таки и потащитъ насъ тетка въ Никольское къ обѣднѣ, чтобъ тамъ потомъ съ ней горшки да черепки покупать—не плоше, какъ въ прошломъ году?

— Вѣрно такъ, не плоше прошлаго года,—отвѣчалъ Алексѣй.—Дѣло мое совсѣмъ не выгораетъ съ тетушкой. Все шло хорошо, она обѣщала денегъ мнѣ дать и коней на ярмарку, а тутъ опять заупрямилась. Будь батюшка, родитель мой, въ своемъ разумѣ, не то бы было, а съ ней одинъ только срамъ. Чего она глядитъ? одно чужое посмѣшество, того и гляди, нашъ приходъ упразднятъ. Али ты думаешь, братецъ ты мой, у тетки денегъ нѣтъ,—я про то знаю, что это неправда. То-то, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Она теперь чѣмъ мучится, какъ не этими нашими церковными дѣлами,—я все знаю. На счетъ тѣхъ дѣлъ долго глухо было: какъ вчера, такъ и сегодня, такъ и завтра, все постарому. Теперь же, видно, ожидаютъ движенія въ дѣлахъ. Въ Москвѣ Платонъ митрополитомъ, будутъ перемѣны, попъ говорилъ, что намъ въ Калугу архіерея дадутъ.

— Такъ намъ-то что до этого,—возразилъ Проша, глядя на Алексѣя простодушными глазами.—По мнѣ хоть десять архіереевъ назначай! Они, попы, сами по себѣ, а мы, дворяне, сами по себѣ.

— Чудакъ ты, братецъ!—говорилъ смѣясь Алексѣй,—пойми ты, что попъ нашъ пришелъ къ тетушкѣ, доложилъ, что дескать ожидаетъ благочиннаго къ намъ въ Богимово; и тотъ попъ въ камилавкѣ, значитъ, и у насъ будетъ въ домѣ—теткѣ хлопоты да расходы. Раскошеливайся, Мавра Кононовна, тащи изъ чулка пол-

тину, а то и весь рубль, ставь тому попу угощенье! Вотъ съ той поры, какъ попъ приходилъ, тетка словно белены объѣлась!— всякаго оборветъ. Парашку побила намедни. Вчера я съ утра изъ дому ушелъ; на деревнѣ болтался, подъ закатъ солнца съ дѣвками въ сосенникъ за грибами уходилъ, только и думалось, какъ бы время убить. Вечеромъ это я, однако, приступился къ ней: «тетушка,—говорю,—какъ же это насчетъ ярмарки? Пожалуйте лошадокъ, вы изволили обѣщать». Не тутъ-то было, и не поминай!— разсердилась, накричала, наотрѣзъ отказала. — Отложи, — говоритъ,—всякое попеченіе о той ярмаркѣ, не тѣ времена, чтобъ по ярмаркамъ кататься, денегъ у меня нѣтъ. Нешто ты не слыхалъ— благочинный будетъ у насъ, надо его угостить. Того и гляди, съ сумой пойдешь! Сиди лучше на печи, да не бей посуды.

— Оно вотъ что! такъ-то! — вскричалъ Проша. — Попробуй теперь Мавра Кононовна повезти насъ въ Никольское на Петровъ день вмѣсто Алексина,—увидитъ она, что Прохоръ Крюковъ не то, что ея Алеша. Я, братецъ ты мой, коли на то пошло, посуду въ свои дрожки возьму, какъ и въ прошломъ году—помнишь?—я тогда въ сохранности доставилъ. А теперь семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Всю посуду перебью, одни черепки доставлю въ Богимово!

Молодые люди при такомъ благомъ настроеніи насолить теткѣ покатились оба со смѣху.

Въ эту минуту въ воротахъ паказался верховой на сѣрой худой кобылкѣ: то былъ Ираклій, богимовскій кучеръ. Онъ рысцей подъѣхалъ къ крыльцу, увидалъ молодыхъ господъ, соскочилъ съ лошади, взялъ ее подъ уздцы, снялъ картузъ и подошелъ близко къ крыльцу, кланяясь господамъ въ поясъ. Ираклій былъ низенькій, лысый старичекъ, онъ переминался долго съ ноги на ногу, вперивъ глаза въ упоръ на молодыхъ господъ, и наконецъ вымолвилъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

— Домой пожалуй, свѣтъ ты нашъ Алексѣй Іонычъ! Родитель твой преставился. Барышня за тобой шлетъ!

При этихъ словахъ оба юноши встали, подошли на самый край крыльца, ближе къ кучеру. Еще, казалось, не замеръ въ воздухѣ послѣдній звукъ ихъ веселаго смѣха, а какой-то голосъ произнесъ слова печали, которую вдругъ не можетъ обнять ихъ воображеніе.

Тутъ вбѣжала на крыльцо старуха няня, она стала между молодыми людьми, оттолкнула слегка своего Прошу назадъ и, близко нагнувшись къ кучеру: «Чего лѣзешь, Ираклій, прямо къ дѣтямъ?—вскричала она.—Дуралей! Долженъ помнить ко мнѣ черезъ садъ съ чернаго крыльца пройти. Что тебѣ надо?»

— Перекрестись, Катерина Савишна!—отвѣчалъ Ираклій:—нешто я самовольно господъ безпокою, на то есть воля барская,

чтобъ меня за барчукомъ посылать; на то есть воля Божія, чтобъ старый баринъ нашъ приказалъ долго жить.

Алексѣй перекрестился во всю грудь, глубоко вздохнулъ и прислонился къ столбику крылечка. Проша залился слезами, бросился къ нянѣ на шею, обнялъ старуху своими длинными руками, онъ рыдалъ и приговоривалъ: крестненькій мой, родный ты мой! и ты Богу понадобился!

Дождь въ это время какъ нарочно усилился. Ираклій отыскалъ Логина, запрягли дрожки, подкатили къ крыльцу, и черезъ четверть часа оба юноши ѣхали по дорогѣ изъ Данькова въ Богимово. Ираклій сопровождалъ ихъ верхомъ на своей сѣрой кобылкѣ.

III.

Пора на службу царскую!

Іона Кононовичъ лежалъ уже на столѣ, одѣтый и убранный, въ ожиданіи долженствующихъ произойти надъ нимъ обрядовыхъ дѣйствій отпѣванія, панихидъ и погребенія, когда сынъ его прибылъ въ Богимово.

Алексѣй съ Прошей вступили въ столовую, гдѣ лежалъ покойникъ, которому уже ничего не нужно было въ этой земной жизни. Между тѣмъ движеніе вокругъ него носило характеръ какихъ-то хлопотливыхъ, мятежныхъ заботъ; это всегда такъ бываетъ: тѣ, которые остаются жить, точно усложняютъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ великой тайны смерти и небытія.

Что касается Мавры Кононовны, то она была, такъ сказать, въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ: она являлась по свойству своего нрава жрицей печали и слезъ. Ея высокая фигура скользила, какъ тѣнь, вокругъ покойника, она отдавала такія точныя приказанія, группировала все такъ прилично въ виду настоящихъ обстоятельствъ.

— Что бы я сталъ безъ нея дѣлать?—мелькнуло въ головѣ Алексѣя, когда онъ, ставъ на колѣни подлѣ покойника, творилъ крестясь молитву, устремивъ глаза въ уголъ комнаты, гдѣ лампада теплилась передъ иконами въ старинномъ кіотѣ. Проша молился подлѣ него и плакалъ, всхлипывая.

День склонялся къ вечеру, ненастье потушило быстрѣе обыкновеннаго послѣдніе лучи свѣта; въ домѣ закрыли ставни. Изъ церкви принесли паникадилы, покровъ изъ золотой парчи. Зажженныя свѣчи ярко освѣтили ее; бѣлымъ облакомъ казалась кисея, накинутая на лице покойника.

Домочадцы сгруппировались въ одномъ углу комнаты, настало глубокое молчаніе, торжественная тишина. Вошелъ священникъ, облачился. Была первая панихида.

Наступила ночь. Проша гдѣ-то уснулъ на диванѣ не раздѣваясь; Алексѣй долго читалъ псалтырь надъ покойникомъ, затѣмъ, почувствовавъ сильную усталость, передалъ книгу дьячку и сѣлъ на стулъ подлѣ буфетнаго шкафа, плотно прислонясь къ нему: онъ скоро глубоко заснулъ. И снился ему покойный отецъ живымъ, какимъ помнилъ онъ его въ дѣтствѣ, добрымъ и ласковымъ, и снилась ему тетка съ пучкомъ розогъ, и будто свистали эти гибкіе прутья надъ его головой. Потомъ няня спрятала его къ себѣ подъ фартукъ, а фартукъ въ дырахъ, и тетка хлещетъ его жидкими розгами. Затѣмъ явилось ему свѣтлое видѣніе: не то облако, превратившееся въ звѣзду, не то звѣзда, принявшая форму розоваго облака.

Тутъ гроза, молнія, громъ, ливень и какой-то лугъ—лѣсъ!... и вдругъ онъ во снѣ сознаетъ, что этотъ лугъ—ихъ широкій лугъ, на которомъ такъ кстати скопнили сѣно подъ непогоду, а лѣсъ—ихъ Богимовскій лѣсъ, именуемый Потресово, лѣсъ, что близъ болота за широкимъ лугомъ. И Алексѣй подошелъ къ одной изъ копенъ сѣна на томъ лугу и засунулъ въ нее руку по локоть, чтобы испробовать, насколько сѣно отсырѣло отъ дождя; глядитъ Алексѣй, а на той копнѣ сидитъ старичекъ съ сѣденькой бородкой, маленькій, чудной такой, глазки у того старичка бѣгаютъ, а въ рукѣ держитъ онъ палочку или шестокъ, да указываетъ на Потресово и на болото. Тогда глаза Алексѣя слѣдятъ за движеніемъ палочки въ ту сторону, куда указываетъ старичекъ; затѣмъ изъ копны, не то отъ старичка, слышенъ голосъ и слова: «ищи кладъ». Алексѣева рука, засунутая въ копну, показалась ему въ эту минуту тяжелая и точно горячая до боли. Онъ выдернулъ руку изъ копны, желая ее освободить, и проснулся. Когда Алексѣй опомнился отъ сна, было уже утро. Дневной свѣтъ ложился длинными и бѣловатыми полосами, скользя по полу сквозь щели старыхъ ставней. Огонь отъ свѣчей и лампадъ мерцалъ голубоватымъ пламенемъ; въ комнатѣ слышался сиплый голосъ пономаря, смѣнившаго подъ утро дьячка для чтенія псалтыря. Алексѣй всталъ и только тогда замѣтилъ тетку на колѣняхъ передъ кіотомъ: она стояла на молитвѣ.

Крестясь во всю грудь, долго оставалась Мавра Кононовна прильнувшей къ холодному полу, когда била поклоны; упорно вперяла она свой жесткій взоръ въ темные лики святыхъ въ кіотѣ, когда поднявшись, или, лучше сказать, оторвавшись отъ полу, подымала высоко голову и читала въ полголоса молитвы, обращая свои прошенія къ Господу за упокой души вновь преставленнаго боярина Іоны.

Почему бы, кажется, не умилиться Алексѣю, не стать тутъ же на колѣни подлѣ сестры его покойнаго родителя и не присоединить своихъ молитвъ къ ея молитвамъ? Но въ его душѣ возстало

чувство, совсѣмъ не похожее на умиленье. Онъ взглянулъ на покойнаго отца; сердце его сжалось, крупныя слезы покатились по щекамъ, и затѣмъ въ эту горькую минуту онъ созналъ, что дорогой покойникъ будетъ недвижимо лежать тутъ, пока его не предадутъ землѣ, а тетушка сейчасъ встанетъ, будетъ ходить и двигаться, шумѣть связкой ключей отъ шкафовъ и амбаровъ и отдавать приказанія своимъ непріятнымъ голосомъ. Пучекъ розогъ въ ея рукахъ явился тоже въ этотъ мигъ передъ душевными очами юноши, и недоброе чувство шевельнулось въ его сердцѣ противъ тетки.

— Впрочемъ!—мелькнуло у него въ головѣ,—наши съ ней пути въ домѣ измѣняются: я теперь здѣсь хозяинъ.

Мавра Кононовна въ это время встала, ставни отворились, дневной свѣтъ озарилъ комнату; вошла стряпуха и ключница, и въ домѣ началось движеніе. Предстояло немало хлопотъ въ виду похоронъ. Эта печальная церемонія совершилась на другой день послѣ того утра, когда Алексѣй созналъ себя хозяиномъ въ Богимовѣ.

Немногіе изъ сосѣднихъ помѣщиковъ явились отдать послѣдній долгъ покойнику. Его жизнь за послѣднія десять лѣтъ текла подъ вліяніемъ паралича, поддерживать связи и знакомства онъ не могъ, Мавра Кононовна не любила сообщаться съ людьми, а Алексѣй былъ еще такъ молодъ.

Изъ почетныхъ сосѣдей пріѣхалъ, однако, А. С. Раевскій, который пользовался уваженіемъ и авторитетомъ между дворянами Тарусскаго уѣзда; онъ почтилъ своимъ присутствіемъ поминальный обѣдъ, а когда при отъѣздѣ молодой хозяинъ вышелъ проводить почетнаго гостя на крыльцо, то онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ ему ласково: «Пора тебѣ, Алеша, на службу царскую. Чего будешь здѣсь сидѣть въ Богимовѣ да голубей гонять?»— прибавилъ онъ, когда сидѣлъ уже въ коляскѣ.

Несомнѣнно, что эти слова стариннаго знакомаго отца указали Алексѣю путь-дорожку изъ родного гнѣзда. Онъ рѣшилъ немедля поступить на службу.

Съ теткой Алексѣй помирился, вмѣсто того чтобы разойтись съ ней, какъ можно было бы ожидать послѣ впечатлѣній, разсказанныхъ выше. Хитрый и великій эгоистъ въ душѣ, юноша скоро расчелъ всю выгоду для него въ ея заботахъ о домѣ и по хозяйству въ его отсутствіи. Мавра Кононовна было вздумала укладывать свои сундуки. Она пожелала сдѣлать племяннику сцену отреченія отъ прежней власти, но Алексѣю доложили о ея движеніяхъ и намѣреніяхъ (добрые люди изъ прислуги, желавшіе снискать расположеніе молодого хозяина), такъ что онъ былъ приготовленъ во всеоружіи, когда тетка разъ утромъ вошла въ кабинетъ покойника, гдѣ племянникъ сидѣлъ у окна, слѣдя за полетомъ галокъ во дворѣ. Тетка сѣла подлѣ него.

— Слушай, свѣтикъ ты мой,—заговорила Мавра Кононовна, опустивъ глаза долу,—мнѣ сиротѣ пора убираться восвояси, я уѣзжаю въ мою Калиновку.—Она глубоко вздохнула, и слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ; при этомъ она очень ловко потянула снурочки своего бархатнаго чернаго ридикюля, который лежалъ у нея на колѣняхъ, и вынула изъ него носовой платокъ, затѣмъ начала громко сморкаться и отирать слезы одною рукой, другою же, взявъ ридикюль за одинъ изъ его кончиковъ, опрокинула изъ него на окно связку ключей, прямо передъ Алексѣемъ.—Возьми, прими отъ меня, батюшка, ключи во свое владѣніе и распоряженіе, я всегда была тебѣ радѣтельница. А коли наше не въ ладъ, то мы со своимъ и назадъ.

— Это, тетушка, какъ вамъ угодно будетъ,—отвѣчалъ спокойно Алексѣй:—только вы извольте обождать отъѣздомъ до моего возвращенія. Я ѣду завтра утромъ въ Тарусу. Лошадей не будетъ вашей милости. Не прогнѣвайтесь, у меня дѣло спѣшное, я поступаю на службу, и мнѣ кое-какія бумаги надо выправить.

— Какъ? что?—говорила удивленная тетка:—на службу, куда?

— Пора, тетушка, я рѣшилъ это вскорѣ послѣ кончины батюшки. Васъ же смѣю просить не оставлять теперь моего сиротскаго пепелища. Вы изволите обидѣть меня, коль скоро удалитесь изъ Богимова. Я ничѣмъ отъ васъ того не заслужилъ.

Тѣмъ только разговоромъ и кончилась эта сцена между теткой и племянникомъ. Въ тѣ времена кратче разыгрывались роли на жизненной сценѣ; не требовалось на то ни остроумія, ни измышленій, или же какихъ анализовъ тѣхъ или другихъ чувствъ. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, и тетка, и племянникъ стояли тверже всего на почвѣ своихъ личныхъ, эгоистичныхъ интересовъ: Маврѣ Кононовнѣ вовсе не хотѣлось уѣзжать изъ дома покойнаго брата, къ которому привыкла, Алексѣй же, съ своей стороны, смекалъ, что ему вовсе не выгодно раздражать тетку. У нея, онъ это зналъ, водились деньги а въ полку онѣ могли ему пригодиться. На другой же день онъ въ самомъ дѣлѣ съѣздилъ въ Тарусу, устроилъ тамъ свои дѣла, затѣмъ простился съ роднымъ гнѣздомъ и съ тетушкой и уѣхалъ изъ Богимова. Онъ скоро поступилъ на службу въ военное вѣдомство.

IV.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Я покидаю теперь почти что апокрифическій разсказъ о моихъ предкахъ Прончищевыхъ и перейду прямо къ нашей семейной хроникѣ въ томъ порядкѣ, какъ она является мнѣ, частью по разсказамъ моей матери, бабушки и другихъ лицъ, съ которыми я жила въ дѣтствѣ.

Прежде, однако, необходимо сказать, кто я, и какая связь существуетъ между мною и тѣмъ разсказомъ, точно такъ же, какъ и между деревнями, селами и дѣйствующими лицами, съ которыми я познакомлю въ немъ читателя.

Я родилась въ Калугѣ въ 1829 г., мая 17 дня. Меня назвали Екатериной въ честь бабушки, родной тетки моего отца. На седьмой день послѣ моего рожденія я была крещена. Воспріемниками при святомъ таинствѣ крещенія были записаны дѣдъ мой, князь Петръ Николаевичъ Оболенскій, отецъ моей матушки, и тетушка ея, фрейлина Александра Евгеніевна Кашкина. При купели же стояли дѣйствительными воспріемниками бывшій въ то время калужскій губернаторъ, князь Александръ Петровичъ Оболенскій, и тетушка моего отца, Екатерина Алексѣевна Прончищева. Родитель мой [1]) былъ помѣщикъ Калужской губерніи Тарусскаго уѣзда и владѣлецъ села Богимова, гдѣ родился и жилъ почти безвыѣздно. Въ виду же появленія на свѣтъ перваго ребенка, онъ нанялъ въ Калугѣ очень покойный и большой домъ купчихи Хохловой, перевезъ туда мою матушку, чтобъ не подвергнуть ея опасности родовъ въ деревнѣ. Когда же кончилось шесть недѣль послѣ появленія моего на свѣтъ Божій, родители мои уѣхали вновь въ Богимово, которое было въ 40 верстахъ отъ Калуги.

Къ первымъ воспоминаніямъ дѣтства я должна непремѣнно отнести портретъ моего прадѣда Алексѣя Іоновича Прончищева. Портретъ этотъ висѣлъ въ гостиной надъ диваномъ между другими фамильными портретами въ домѣ бабушки Екатерины Алексѣевны Прончищевой [2]) въ ея Спѣшиловкѣ [3]), куда мы ѣздили ежедневно съ моей матушкой съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить. Прадѣдъ на этомъ портретѣ изображенъ въ мундирѣ секундъ-майора Екатерининскихъ временъ. Прическа его напоминаетъ времена, когда начали бросать пудру и только что оставили ношеніе косъ. Надъ лбомъ волоса взбиты и слегка напудрены, затѣмъ падаютъ длинно по плечамъ. Лобъ у прадѣда высокій, глаза каріе, брови слегка сдвинуты надъ переносьемъ, линія носа правильная и породистая, углы рта, нагнутые немного внизъ, придаютъ лицу выраженіе не то презрительное, не то самоувѣренное, затѣмъ прекрасный цвѣтъ лица великорусскихъ брюнетовъ. Судя по портрету, прадѣдъ, вѣроятно, былъ красивъ. Если бабушка замѣтитъ, что я гляжу на портретъ, то всегда бывало скажетъ:

---

[1]) Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ былъ внукъ Алексѣя Іоновича. Въ 1820 годахъ онъ былъ владѣльцемъ села Богимова и единственнымъ представителемъ рода Прончищевыхъ. Е. С.

[2]) Екатерина Алексѣевна Прончищева, моя крестная мать и родная тетка моего отца, была дочь прадѣда Алексѣя Іоновича. Е. С.

[3]) Сельцо Спѣшиловка принадлежало Екатеринѣ Алексѣевнѣ Прончищевой. Оно лежало въ 3-хъ верстахъ отъ имѣнія моего отца, с. Богимова. Е. С.

— Батюшка въ свое время былъ красавецъ.

Но матушка моя не раздѣляла этого мнѣнія съ бабушкой, хотя при ней его не высказывала, я это замѣтила впослѣдствіи. Разъ даже матушка заявила, что, слава Богу, этого красавца нѣтъ болѣе въ живыхъ. Понятно, не въ присутствіи бабушки, и это крайне меня удивило.

Затѣмъ я стала замѣчать, что воспоминанія о прадѣдушкѣ принимались всѣми особенно странно въ нашемъ домѣ: люди говорили о покойномъ, понижая всегда голосъ, точно они боялись, что онъ съ того свѣта услышитъ ихъ. Когда же я вошла въ возрастъ самосознанія и стала спрашивать матушку объ этомъ, то удостовѣрилась въ ея къ нему нерасположеніи. Основаніемъ къ тому былъ характеръ покойнаго: жесткій, неукротимый и деспотическій. Я была тогда такимъ еще ребенкомъ, что эти чувства негодованія противъ прадѣда пугали меня, но дорогая моя матушка была сама тогда очень молода и спѣшила, такъ сказать, внушать дѣтямъ своимъ сочувствіе къ добру и отвращать ихъ отъ зла. Эти чувства весьма понятны, въ особенности же при жизни въ деревнѣ, гдѣ я и сестры мои воспитывались при родителяхъ и были окружены крѣпостными людьми, хорошо помнившими дѣдовскія дѣянія. Матушка, вступая въ домъ своего супруга, послѣ своего замужества завела совсѣмъ новые порядки въ домѣ, многое смягчила и насъ, конечно, воспитала въ своемъ духѣ относительно крѣпостныхъ людей.

Много разсказывала матушка о горькой жизни въ Богимовѣ при прадѣдушкѣ, она говорила, что тогда была въ домѣ—бироновщина! Невозможно все подробно разсказывать, но мнѣ пришлось найти въ одной книгѣ, напечатанной еще въ 1833 году и озаглавленной: «Послѣдній годъ правленія герцога Бирона», изображеніе характера этого временщика. Этотъ очеркъ до того сходенъ съ представленіемъ моей матери о прадѣдѣ, что я осмѣливаюсь дать его здѣсь, переписавъ дословно.

«Онъ былъ весьма честолюбивъ и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государыни, не имѣлъ недостатка въ льстецахъ и угодливыхъ поклонникахъ; его вспыльчивость доходила иной разъ до крайности, и тогда не щадилъ онъ никого и нимало не затруднялся въ выборѣ выраженій, которыя были весьма грубы и дерзки; онъ не умѣлъ и не хотѣлъ таить своихъ чувствованій ни пріязни, ни ненависти; былъ щедръ, какъ на похвалы и награды, такъ на порицанія и наказанія; будучи же перемѣнчивъ въ своей благосклонности, отнималъ оную у своего любимца почти безо всякой побудительной причины, вдругъ дѣлался изъ покровителя врагомъ и только въ ненависти своей былъ постояненъ, никогда не забывая нанесенной ему обиды. Въ продолженіе своего благорасположенія къ кому либо обращался съ нимъ откровенно и бывалъ вопреки при-

родной молчаливости своей даже излишне говорливъ; но о чемъ почиталъ за нужное умалчивать, того никакъ нельзя было у него вывѣдать. Предубѣжденіе къ кому нибудь сильно на него дѣйствовало, и трудно было убѣдить его мыслить хорошо о томъ человѣкѣ, о которомъ онъ по слухамъ составилъ себѣ худое понятіе. Будучи корыстолюбивъ, любилъ, однако, пышность. Онъ былъ статенъ и недуренъ лицомъ, но не умѣлъ нравиться въ обществѣ и не имѣлъ той ловкости, которая есть отличительное качество людей знатныхъ фамилій, съ малолѣтства къ тому пріобвыкшихъ, качество, неподражаемое въ неизсчетныхъ его оттѣнкахъ тонкой вѣжливости и обязательной предупредительности, весьма рѣдко достигаемое тѣми, коихъ судьба возводитъ на сію степень изъ низшаго класса общества. Впрочемъ Бирон не имѣлъ недостатка въ способностяхъ, но разумъ его былъ весьма мало образованъ науками» [1]).

Правда, Бирон былъ временщикъ, между тѣмъ какъ Алексѣй Іоновичъ былъ помѣщикъ Тарусскаго уѣзда, но власть его въ маленькомъ углу этого уѣзда была такъ же сильна на его поприщѣ, какъ и власть Бирона.

Алексѣй Іоновичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Бахметевой [2]), за которой взялъ крупное приданое, и вслѣдствіе этого изъ небогатаго помѣщика превратился въ своемъ уѣздѣ въ крупнаго землевладѣльца. Своею ловкостью и, вѣроятно, умомъ на службѣ тоже онъ достигъ почтеннаго положенія и, оставя ее въ чинѣ секундъ-майора, игралъ немаловажную роль въ дворянскомъ обществѣ Тарусскаго уѣзда. Въ льстецахъ онъ тоже не имѣлъ вокругъ себя недостатка, и если сопоставить всѣ эти обстоятельства его жизни, передъ читателемъ можетъ оправдаться мое личное о томъ впечатлѣніе и воззрѣніе.

V.

Жена А. І. Прончищева и воспоминанія о немъ П. А. Крюкова.

Перейдемъ теперь къ прабабушкѣ Глафирѣ Михайловнѣ, супругѣ Алексѣя Іоновича. Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя съ ранняго дѣтства, надъ ней носился ореолъ святости и благоговѣйнаго ува-

---

[1]) Отдѣльное изданіе романа «Послѣдній годъ правленія Бирона», вышедшее въ 1833 г., о которомъ упоминаетъ Е. А. Сабанѣева, мнѣ неизвѣстно; но отрывокъ изъ этого романа помѣщенъ въ журналѣ «Телескопъ», издававшемся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ въ 30-хъ годахъ. Отрывокъ находится въ XI книгѣ «Телескопа» за 1832 г., стр. 309—346. Авторъ романа пользуется записками современниковъ: Манштейна, князя Я. П. Шаховскаго, лэди Рондо и др., на которыя у него имѣются цитаты. Характеристика герцога Э. І. Бирона, приводимая Е. Л. Сабанѣевой, находится во II-й главѣ отрывка. Д. К.

[2]) Алексѣй Іоновичъ р. 1751 г.; въ военной службѣ дослужился до секундъ-майора; выйдя въ отставку, былъ тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. (Родосл. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, изданіе 2-е, т. II, стр. 139).

женія къ ея памяти въ моей душѣ и воображеніи. Она была изъ тѣхъ кроткихъ и чистыхъ созданій, съ которыхъ не можетъ взыскать самый строгій судья. Знаю, что между ею и супругомъ ея произошла какая-то драма, но я не желаю помѣщать ее на страницахъ этихъ записокъ. Слышала я, что прадѣдушка сильно оскорбилъ свою супругу, затѣмъ Богъ взыскалъ ее тяжкою болѣзнью, и она лишилась разсудка. Но умопомѣшательство ея было тихое; она жила въ домѣ мужа въ отдѣльныхъ покояхъ, изъ которыхъ никуда не выходила. У нея былъ свой штатъ прислуги, и она была, какъ дитя: ничего для себя не требовала, почти ни съ кѣмъ не говорила. Единственнымъ ея занятіемъ было вязанье кошельковъ изъ тончайшихъ нитокъ; послѣ ея кончины осталось безсчетное количество такихъ экземпляровъ мѣшечковъ, вывязанныхъ безцѣльно, но весьма изящно и искусно. Въ домѣ ее почитали за юродивую о Христѣ; въ понятіи домочадцевъ она была отмѣчена, какъ взысканная отъ Бога и служащая Его Святой Волѣ своими страданіями. Супругъ, при всемъ своемъ деспотизмѣ, долженъ былъ подчиниться удаленію изъ ея присутствія; въ ней, всегда тихой въ своемъ умопомѣшательствѣ, его появленіе возбуждало страхъ, смѣшанный съ порывами гнѣва. Онъ избѣгалъ показываться ей на глаза, однако разъ навсегда было имъ приказано, чтобы барыню покоили. Въ 1812 году передъ Бородинскою битвой прадѣдъ съ семьей собрался выѣхать изъ имѣнія въ Вологду. Французы были въ 10-ти верстахъ отъ Богимова. Когда все было готово къ отъѣзду, Алексѣй Іоновичъ приказалъ нести барыню въ приготовленную для нея карету, но она кричала и не соглашалась покинуть своей комнаты. Дочери уговаривали ее, но она легла въ постель, завернулась одѣялами, врылась въ подушки. Супругъ тогда вошелъ въ ея комнату, бросился передъ нею на колѣни и говорилъ:

— Глафирушка, ты погибнешь, кто защититъ тебя отъ врага?

Она скинула съ головы одѣяло, взглянула на него и говоритъ:

— Вотъ моя защита,—при этомъ она указала на икону Василія Великаго, которою ее благословляли при замужествѣ. Затѣмъ Глафира Михайловна вновь закуталась одѣялами и подушками, обратясь лицомъ къ стѣнѣ. Такъ и должны были оставить ее въ Богимовѣ, тогда какъ вся семья уѣхала въ вологодское имѣніе. Это разсказывалъ мнѣ мой батюшка, передавая мнѣ икону Василія Великаго, съ которою я никогда не разстаюсь. Я въ то время была уже замужемъ.

Въ Богимовѣ, говоритъ преданіе, стекла въ домѣ были выбиты отъ пушечной пальбы во время тарутинской битвы. Приходили тоже мародеры, забрали много съѣстного, но барыни не тронули; она осталась совершенно спокойна. Трудно, однако, вѣрить, чтобы стекла въ домѣ были выбиты, ибо Тарутино было отъ нашего имѣнія верстахъ въ 70-ти. Этотъ разсказъ я записала со словъ

старой Пелагеи, сѣнной дѣвушки прабабушки моей,—она по старости лѣтъ иногда завиралась. Пелагея эта жила долго у насъ въ домѣ безъ всякой опредѣленной должности. Помню только, что во время грозы Пелагея брала всегда изъ кіоты икону св. Николая Чудотворца, зажигала восковую свѣчу и обходила нѣсколько разъ вокругъ дома съ иконой и зажженною свѣчей, творя молитву. Мы всегда думали, что и Пелагея особенно угодна Богу. Она была кривая, и вотъ, будучи еще ребенкомъ, бывало спросишь ее:

— Пелагеюшка, отчего у тебя глазокъ кривой?

— Это, сударыня, барышня,—отвѣчаетъ она,—прадѣдушка вашъ Алексѣй Іоновичъ изволили выколоть.

Была еще у насъ юродивенькая въ Богимовѣ. Эту, говорили, прадѣдушка чѣмъ-то напугалъ. Звали ее Дарьей Ильиничной. Вѣроятно, она тоже была очень стара, но до чего стройна и пряма! Коричневый кафтанъ суконный такъ ловко сидѣлъ на ней. Она была очень высокаго роста; небольшая головка ея всегда слегка склонена, однимъ словомъ вся фигура ея была живописна. Она подвязана подъ бороду бѣлымъ платкомъ, спущеннымъ низко надъ глазами, улыбка на лицѣ какая-то дѣтская, одѣта чисто, и коса заплетена. И какая же она была работящая! Ежедневно ходила она за водой за двѣ версты по нѣсколько разъ въ день въ сосѣднюю рощу, гдѣ былъ ключъ отличной студеной воды. Едва проснешься бывало, глянешь въ окно, а Дарья идетъ уже съ коромысломъ на плечѣ и двумя ведерками,—это она принесла воды изъ рощи на самоваръ къ чаю. Матушка скажетъ ей:

— Дарья Ильинична, ты стала слаба, небось стара; зачѣмъ тебѣ воду таскать? Вѣдь все равно взять ее намъ изъ Золотиловки.

— Незамай!—отвѣчаетъ она.—Богъ труды любитъ.

И отвѣчаетъ такъ странно, безъ всякой интонаціи въ голосѣ, безъ всякаго выраженія. И глядишь,—идетъ снова въ рощу маленькою тропинкой, которую протоптала до овражка, гдѣ былъ тотъ колодезь.

Былъ тоже юродивый у насъ въ Богимовѣ, звали его Алексѣй Ивановичъ, тотъ былъ бурный, иногда сердитый; то бранится, то читаетъ молитвы. И лѣто, и зиму ходилъ босой, несмотря ни на какіе морозы, и всегда въ длинной бѣлой рубашкѣ. Онъ тоже поминалъ часто прабабушку въ молитвахъ, называя ее святою.

Въ Богимовѣ не было сада при Алексѣѣ Іоновичѣ. Онъ былъ врагъ всего, что можетъ быть любезно для взора, зато усадебныя строенія были капитальныя: они были вытянуты, точно казармы, и представляли собой массу прочнаго домашняго кирпича, который, казалось, и въ огнѣ не горѣлъ и въ водѣ не тонулъ. Строитель не увлекался стилемъ или же украшеніями, а главною его цѣлью была солидность и прочность построекъ.

Большой двухъэтажный домъ въ 25 комнатъ, съ такими же

флигелями, конный и скотный дворъ, все это стояло лѣтъ тридцать небѣленымъ; прадѣдъ говорилъ, что строенію надо дать выстояться. Отецъ мой къ свадьбѣ рѣшился выбѣлить усадебныя постройки, домъ внутри оштукатурилъ, затѣмъ завелъ сады, разбивъ передъ домомъ правильныя аллеи, которыя засадилъ липами. Былъ у насъ почтенный старичекъ сосѣдъ, Прохоръ Алексѣевичъ Крюковъ, современникъ прадѣда, знавшій отца моего съ пеленокъ, любившій его, кажется, больше своихъ родныхъ чадъ и читавшій всегда ему мораль. Сидимъ мы бывало въ Богимовѣ за рукодѣльемъ въ батюшкиномъ кабинетѣ вокругъ стола, батюшка куритъ изъ пѣнковой трубки, сидя въ дѣдовскихъ креслахъ, а противъ него на маленькомъ диванчикѣ сидитъ старичекъ Крюковъ въ длинномъ, коричневомъ, старомодномъ сюртукѣ, въ парикѣ; онъ нюхаетъ табакъ изъ черной лукутинской табакерки съ ландшафтикомъ и ведетъ непремѣнно рѣчь, восхваляя прежніе порядки и порицая текущіе. Прохоръ Алексѣевичъ былъ недоволенъ, что батюшка обсадилъ усадьбу липовыми аллеями, и называлъ эти липы смородиной.

— А спрашивается,—говорилъ онъ батюшкѣ,—что тебѣ даетъ эта смородина? При дѣдушкѣ твоемъ, два аршина отступя отъ дому,— сейчасъ и поле. Сидитъ бывало передъ окошечкомъ да копны считаетъ въ уборку; у него, шалишь, ничего не стянутъ, ниже единаго снопика. Усердный былъ къ своему добру; оттого и нажилъ.

— Все бренно и все тлѣнно,—отвѣчаетъ батюшка. — Смѣйтесь пока надъ моей смородиной, почтеннѣйшій Прохоръ Алексѣевичъ, а когда выростутъ липы, увидите, какая это роскошь будетъ.

— Роскошь, роскошь! Задалъ бы тебѣ дѣдушка за эту роскошь: липы-то и въ рощѣ растутъ, продавать ихъ не будешь, а хлѣба въ закромахъ у тебя не прибыло. Хозяинъ ты Алеша! — нечего и говорить.

— Не вамъ бы говорить, Прохоръ Алексѣевичъ, а не мнѣ бы слушать. У васъ въ Даньковѣ развѣ садъ-то плохой, а я у дѣдушки никогда яблочка не видывалъ. Да что поминать прежніе порядки!.. были, да, слава Богу, прошли.

— Нѣтъ, свѣтикъ мой, дѣдушкины порядки не такіе, чтобъ прошли. Онъ какого ума-то былъ?—не нашего съ тобой! Не прошли дѣдушкины порядки, когда онъ тебѣ такое сокровище, какъ Богимово оставилъ. Вѣдь усадьба-то у тебя настоящій городъ! — бѣлокаменная, да и только. Погляди ты только на строеніе.

— Я вотъ что только, Прохоръ Алексѣевичъ, не могу понять въ дѣдушкѣ: зачѣмъ онъ усадьбу перенесъ на эту сторону рѣки? Зачѣмъ онъ ее тамъ на горѣ не оставилъ, гдѣ была прежняя старая усадьба и церковь? Какая тамъ живописная мѣстность, какой бы паркъ можно было тамъ разбить, да и чего бы я тамъ не соорудилъ!

— Ну! ужъ это его капризъ былъ. Оно вотъ какъ было это дѣло. Вѣдь кирпичный-то сарай былъ выстроенъ на той сторонѣ рѣки, позади старой усадьбы; кому бы въ голову пришло, чтобъ твоему дѣдушкѣ пришла такая фантазія: матеріалъ былъ уже готовъ — вотъ-вотъ, только воздвигай постройки. Не тутъ-то было! Пріѣзжаю это я въ Богимово, пора была осенняя (съ именинъ изъ Жукова заѣхалъ). Дрожки свои я домой отпустилъ, чтобъ не держать человѣка на дождѣ; слякоть такая да изморозь! Думаю, пойдутъ у насъ тары да бары, да сладкіе разговоры,—засижусь долго. Вотъ разлетаюсь я къ твоему дѣдушкѣ, а онъ сидитъ насупившись: значитъ не въ духѣ. У него были такіе мрачные дни. Ничего себѣ; я свой человѣкъ: взялъ трубочку, закурилъ, похаживаю по комнатѣ. Смотрю въ окно, дождь такъ и хлещетъ въ стекла, въ трубахъ вѣтеръ гудитъ. Вдругъ это вижу я: одна, двѣ, три, т.-е. телѣга за телѣгой съ лошаденками крестьянскими, одна за другой, по горѣ-то тянутся, грязь, скользь—телѣги вязнутъ колесами по ступицу, мужички погоняютъ своихъ кляченокъ, понукаютъ, помахиваютъ кнутиками, сами лаптями глину мѣсятъ, небось онучи у нихъ на ногахъ мокрыя, и какъ есть вся тутъ Богимовская барщина. Что за притча, думаю, какія такія тутъ работы производятся? Спросить не смѣю: коли не въ духѣ Алексѣй Іоновичъ,—непремѣнно оборветъ. Сталъ я передъ окномъ, гляжу—ажъ руками развелъ! Должно, я долго стоялъ: какъ трубку приложилъ опять къ губамъ, она не курится. И покажись это самое смѣшно твоему дѣдушкѣ, — какъ захохочетъ онъ да и говоритъ: что, Проша, обжегся? — шутникъ тоже былъ, да и надо мною любилъ кашу варить. Затѣмъ подошелъ онъ ко мнѣ, глядитъ тоже въ окно, да и говоритъ, показывая на обозъ: Видалъ ты, Прохоръ, такіе виды? Это, братецъ ты мой, доложу тебѣ, кирпичъ у меня теперь возятъ съ этого берега на мельницу на ту сторону; на той сторонѣ буду строить усадьбу, а не на этой. Понялъ?

— Такъ говорю, Алеша, значитъ, не перечь моему ндраву — такъ, что ли?

— Такъ, такъ,—говоритъ онъ и развеселился, и пошли мы съ нимъ закусить въ столовую.

— Такъ тоже рылъ онъ съ полгода кладъ, приснившійся ему во снѣ; тоже держалъ всю барщину надъ этой безполезной работой около полугода. Ничего, конечно, не нашелъ, а народу много заморилъ надъ нею.

VI.

Дѣти Алексѣя Іоновича Прончищева.

У Алексѣя Іоновича было три дочери: Евдокія, Софья и Екатерина, и единственный сынъ, Владиміръ. Про послѣдняго семейное преданіе говоритъ, что онъ былъ нелюбимъ отцомъ и находился

въ полку гдѣ-то въ Остзейскомъ краѣ. Наружностью онъ походилъ на мать, былъ бѣлокуръ въ Бахметевыхъ, по характеру тоже былъ кротокъ и застѣнчивъ [1]).

Меньшая дочь прадѣда, Екатерина, жила всегда при отцѣ и посвятила всю свою жизнь попеченію о больной матери. Пути ея жизни были тернисты, исполнены борьбы и истинно христіанскихъ подвиговъ. За нее сватался въ молодости нѣкто Балкъ, человѣкъ умный и достойный; онъ ей нравился, но она отказала ему, пожертвовавъ своимъ чувствомъ долгу. Она не рѣшилась оставить больную мать на попеченіе прислуги. Екатерина Алексѣевна по уму была замѣчательна, но нравъ имѣла очень вспыльчивый; у нея тоже были мрачные дни, въ которые всѣ вокругъ нея говорили, что барышня не въ духѣ. Когда же сойдетъ съ нея тотъ мракъ, она точно перерождалась и была умна, увлекательна и любезна. Я съ дѣтства знала ее и очень боялась, но между тѣмъ нѣжно была къ ней привязана и впослѣдствіи, когда стала себя сознавать, глубоко ее уважала.

Батюшка мой не помнилъ своихъ родителей, отецъ его скончался прежде, чѣмъ сынъ увидалъ свѣтъ Божій, мать же вскорѣ— послѣ его рожденія, поручивъ сына Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ своего покойнаго супруга. Такимъ образомъ бабушка Екатерина Алексѣевна воспитала моего отца и заступила ему мѣсто матери. Понятно, что у насъ въ семьѣ она пользовалась большимъ авторитетомъ и считалась главою. Она жила въ Богимовѣ до женитьбы моего отца, послѣ же переѣхала въ свое имѣніе, сельцо Спѣшиловку. Очень часто то она у насъ гостила, то мы съ матушкой проживемъ у нея недѣлю или двѣ. Когда бабушка бывала у насъ, то матушка уступала ей мѣсто хозяйки въ домѣ и окружала ее всевозможнымъ почетомъ и уваженіемъ. Мы всѣ очень любили ее, и она была къ намъ очень милостива.

Воспоминанія о бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ связаны для меня съ самыми дорогими воспоминаніями моего дѣтства и, кромѣ того, съ нравственнымъ катехизисомъ, который указала мнѣ матушка на пути жизни. Съ бабушкой не легко было ладить при ея живомъ и вспыльчивомъ нравѣ, и матушкѣ приходилось часто терпѣть отъ нея незаслуженные упреки. Бабушка была мастерица дѣлать сцены, а съ батюшкой она умѣла ссориться и мириться по нѣскольку разъ въ день; милая моя дорогая мать была часто между двухъ огней и съ великимъ терпѣніемъ, тактомъ и кротостью мирила обѣ стороны, проливая отъ себя такую струю свѣта, которой никакой мракъ не могъ противиться. Привыкшая къ мирному очагу своей родной семьи, какъ пугалась она сначала волненій той

---

[1]) Владимиръ Алексѣевичъ Прончищевъ, род. 1780, † 1815 г. (Родосл. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, изд. 2-е, т. II, стр. 139). Д. К.

среды, въ которую попала въ домѣ супруга. Надо удивляться, съ какимъ мужествомъ она боролась съ враждебными ей нравственными стихіями и какъ успѣшно восторжествовала надъ ними. Бабушка впослѣдствіи отвыкла отъ мысли, чтобъ матушка могла чѣмъ нибудь противъ нея провиниться или даже ошибаться, и отношенія между этими двумя женщинами были полны такого довѣрія другъ къ другу, что обѣ слились въ одну душу и дѣйствовали въ одномъ смыслѣ на пользу семьи и дѣтей.

Екатерина Алексѣевна Прончищева была строительницей новаго храма въ селѣ Богимовѣ. Онъ выстроенъ частью иждивеніемъ прадѣда Алексѣя Іоновича, частью ея. Когда Богимовскую усадьбу перенесли на другой берегъ Мышинги, то попросили дозволенія и церковь строить на противоположномъ берегу вмѣсто старой деревянной церкви. Это стоило бабушкѣ немало хлопотъ. Она съ великимъ усердіемъ занималась этимъ великимъ дѣломъ, очень удачно окончила его, посвятивъ на него нѣсколько лѣтъ своей жизни. Новая Богимовская церковь была окончена въ царствованіе императора Николая I. Главный придѣлъ былъ во имя Успенія Божіей Матери; у насъ этотъ день въ семьѣ было два праздника—храмовой и рожденіе моей матери 15 августа.

Храмъ Богимовскій былъ хорошей архитектуры, въ немъ было много соразмѣрности, окна тоже давали хорошее освѣщеніе, что́ въ старинныхъ сельскихъ церквахъ рѣдко встрѣчалось; живопись была прекрасная, всѣмъ нравилась наша церковь, и сосѣди охотно ее посѣщали. Она стояла недалеко отъ нашей усадьбы на дорогѣ въ бабушкино имѣніе. Отъ дому почти до самой церкви была широкая липовая аллея.

Былъ великій постъ на исходѣ—кажется, вербная недѣля; бабушка прислала сказать, что будетъ къ намъ, ибо желаетъ поговѣть. Сейчасъ же приказано было приготовить для нея комнаты. Для насъ, дѣтей, ея пребываніе въ домѣ соединялось съ вакаціей, потому что матушка, которая сама давала намъ уроки, при бабушкѣ не имѣла времени нами заниматься. Я была старшая въ семьѣ, а мнѣ было въ то время лѣтъ семь.

Бабушку сопровождалъ всегда большой штатъ прислуги; ѣздила она въ четырехмѣстной каретѣ въ шесть лошадей съ выносными, форейторомъ и двумя лакеями на запяткахъ. Въ каретѣ масса подушекъ; кромѣ бабушки, сидѣли въ ней ея компаньонка, горничная Лена и двѣ собачки Мирза и Журикъ. И вотъ мы ожидаемъ бабушку. Какъ только ея экипажъ покажется по дорогѣ мимо церкви, такъ буфетчикъ Сергѣй Николаевичъ войдетъ въ батюшкинъ кабинетъ, остановится въ дверяхъ и возвѣститъ, что барышня къ намъ жалуетъ,—мы къ окнамъ. Карета въѣхала въ ворота большого двора, и мы бѣжимъ встрѣчать въ переднюю нашу дорогую гостью. Дверь отворяется, входитъ бабушка, укутанная въ шубу, въ боль-

шомъ атласномъ капорѣ фіолетоваго цвѣта; ее ведутъ подъ руки, и Лена разстегиваетъ на ходу ея шубу, а лакей принимаетъ ее на свои руки; бабушка садится на диванъ, и съ нея снимаютъ теплые, бѣлые, лохматые сапоги, осоюзенные бѣлымъ сафьяномъ. Мы должны все время смирно стоять; затѣмъ бабушка проходитъ въ батюшкинъ кабинетъ, гдѣ ее усаживаютъ на диванъ. Мы, между тѣмъ, приняли отъ лакея ея двухъ собачекъ и несемъ ихъ на рукахъ за бабушкой, что̀ составляетъ для насъ большое удовольствіе; но мы отнюдь не должны при этомъ забывать, что съ бабушкой слѣдуетъ поздороваться, а этого никакъ нельзя сдѣлать, пока она не сниметъ капора и безчисленнаго множества платковъ и косыночекъ, которые на нее накутаны. Мы стоимъ противъ нея и ожидаемъ. Наконецъ снятъ послѣдній шарфикъ, и бабушка осталась въ однихъ волосахъ. Тогда ей было лѣтъ подъ семьдесятъ, а въ ея темнорусыхъ косахъ, которыя она носила, закладывая ихъ подѣтски, вокругъ головы, не было еще сѣдыхъ волосъ. Эти гляпцевитые, темные волосы гладко лежали надъ ея невысокимъ лбомъ и немного вились надъ висками. Говорили, что она была очень хороша въ молодости, высока и стройна. Глаза у нея были каріе, очертаніе лица мягкое, черты тоже мягкія, носъ породистый, прямой, безъ горбинки, а ноздри имѣли способность раздуваться подъ вліяніемъ душевнаго волненія; выраженіе ея лица такъ часто измѣнялось, и довольно полныя губы раздувались въ гнѣвѣ, выражая такъ откровенно, что она сердится. За то при улыбкѣ углы ея рта подымались вверхъ особенно пріятно, придавая ея лицу сдержанно-лукавое выраженіе. Игра ея лица производила на меня всегда глубокое впечатлѣніе, такъ вотъ и догадаешься: чего она хочетъ, и что ей нравится, и что ей не по нутру. Я замѣтила, что скрывать свои чувства она не умѣла, да, кажется, и не могла, оттого и была часто рѣзка. Если ей приходилось принять une mine de circonstance, хотя бы, напримѣръ, въ гостиной, то выходило очень смѣшно. Подчиняться модѣ или этикету она никогда не могла, всегда утрировала оборки своихъ чепцевъ, цвѣта матерій на платьяхъ и вообще мало обращала вниманія на впечатлѣніе, которое производила на другихъ.

Но пора вернуться къ моему повѣствованію. Итакъ, когда послѣдній шарфикъ снятъ, то Лена уноситъ всѣ аттрибуты зимняго кутанья и подаетъ бабушкѣ чепецъ именно съ преширокой оборкой и бридами изъ газовыхъ лентъ. Когда онъ уже на головѣ у бабушки, мы чинно подходили къ ней къ рукѣ. Въ это время показывается няня въ дверяхъ кабинета; она несетъ на серебряномъ подносѣ весь чайный приборъ и ставитъ его на круглый столъ противъ бабушки, которая послѣ самаго краткаго путешествія любила кушать чай.

Бабушка Екатерина Алексѣевна была большая рукодѣльница; изъ ея рукъ выходили замѣчательно изящныя работы. Она много вышивала для нашего храма. Помню по серебряному глазету воздухи, которые обновили на храмовой нашъ праздникъ. По картѣ золотомъ она вышивала безъ очковъ до глубокой старости. По поводу вязанья шерстями я слышала отъ нея слѣдующія воспоминанія изъ ея молодости.

— Теперь, — говорила она, — берлинская и англійская шерсть такая обыкновенная вещь, ею хоть прудъ пруди, въ мое же время она была рѣдкостью. Ее употребляли только большія барыни; въ высшихъ сферахъ общества было доступно вышивать ковры. У насъ же въ деревнѣ и понятія о томъ не имѣли. Я смолоду была охотница до работъ, но шерсти купить и подумать не смѣла; батюшка такъ бы прогнѣвался, еслибъ я осмѣлилась заикнуться о покупкѣ такого цѣннаго товара. У насъ вѣдь все было домашнее; шерстяные чулки мы носили, конечно, изъ домашней шерсти, не говоря ужъ о бѣльѣ—все изъ домашняго холста. И столовое бѣлье то же самое. У насъ то все матушкины ярославскіе мужички привозили—это входило въ ихъ оброкъ. Но и въ Богимовѣ отлично пряли и ткали; мы съ сестрами носили по буднямъ платья изъ домашней холстинки, по воскресеньямъ только ситцевыя. Я была меньшая изъ сестръ, и мнѣ первое бѣлое канифосовое платье сшили, когда я была взрослой дѣвицей лѣтъ 18-ти. Такъ вотъ насчетъ шерсти я стала разсказывать. Гостила я одно время у Кашкиныхъ въ Прыскахъ (изъ Оптиной [1]) пустыни къ нимъ заѣзжала) и видѣла у ихъ гувернантки прелестную подушку, вышитую берлинскою шерстью; узоръ-то я перерисовала, и канвы мнѣ подарили: за малымъ дѣло оставалось—нѣтъ у меня шерсти. Какъ тутъ быть? Тогда добрые Кондыревы [2]) вошли въ мое положенье; у нихъ были шленскія овцы, такъ они велѣли начесать шерсти изъ душекъ (это та шерсть, что на груди и подъ шеей у овецъ, такъ называется); эту шерсть вымыли и привезли мнѣ. У насъ Пелагея хорошо и ровно пряла, и вышла мягкая, довольно хорошая шерсть, но бѣлая вся, а узоръ безъ тѣней вышивать нельзя. Что же бы вы думали? — я сама покрасила шерсть, и вышло очень недурно, затѣмъ я вышила коверъ. Когда нибудь я вамъ его покажу.

Еще по поводу своей страсти къ цвѣтамъ бабушка разсказывала слѣдующее. «Это была всегда такая оказія, моя страсть къ цвѣтамъ,—говорила она,—бывало, только въ людяхъ и полюбуешься ими, дома же и подумать не смѣй посадить цвѣточковъ; ни смородины, ни малины у насъ не было. Батюшка ничего такого терпѣть

[1]) Оптина пустынь—монастырь въ трехъ верстахъ отъ Козельска. Е. С.

[2]) Кондыревы, сосѣди и большіе друзья Екатерины Алексѣевны Прончищевой. Е. С.

не могъ, называлъ все это пустяковиной. Развѣ что подсолнечникъ на огородѣ допускался, бузина гдѣ-то подлѣ кухни разрослась, и ту велѣлъ вырубить. Когда, однако, послѣ кончины брата батюшка заболѣлъ, и все хозяйство перешло на мои руки, то и пришелъ ко мнѣ разъ приказчикъ, да и говоритъ: «Осмѣлюся доложить вашей милости, подъ скотнымъ дворомъ мѣстечко пустуетъ, а земля хорошая, не благоволите ли ее мнѣ подъ огородъ пожаловать: мы съ женой сами ее обработаемъ, горошку да бобковъ насадимъ». Я подумала, подумала, да и позволила и велѣла то мѣстечко плетнемъ забрать. Да и сама стала тамъ садить; то смородины, то малинки, цвѣтовъ развела, розы были, левкои, только души нѣтъ, бывало, боишься, какъ бы батюшка не свѣдалъ!»

Такимъ образомъ текла жизнь бабушки въ родительскомъ домѣ, всегда подъ страхомъ, всегда въ тревогѣ между больною матерью и деспотомъ отцемъ. Повѣрятъ ли тоже, что она не только цвѣты сажала потихоньку отъ своего родителя, но и французскому языку втайнѣ отъ него выучилась, и говорила на этомъ языкѣ не очень чисто, но поддерживать разговоръ могла. Много читала и много себя образовала. Екатерина Алексѣевна была замѣчательная женщина по уму и по способностямъ, характеръ же ея и душевныя силы пріобрѣтали особое мужество въ этой борьбѣ съ дикими предразсудками и тяжелыми семейными драмами.

Прадѣдъ не допускалъ мысли о воспитаніи дѣтей; въ тѣ времена чада должны были удерживаться въ черномъ тѣлѣ въ домѣ родителей, и онъ за порокъ считалъ, чтобъ русскія дворянки, его дочери, учились иностраннымъ языкамъ.

— Мои дочери не пойдутъ въ гувернантки,—говорилъ Алексѣй Іоновичъ.—Онѣ не безприданницы; придетъ время, повезу ихъ въ Москву, найдутся женихи для нихъ.

Вотъ какъ прадѣдъ возилъ дочерей въ Москву, людей посмотрѣть и себя показать.

Это было въ началѣ царствованія императора Павла Петровича. Было слышно, что дворъ будетъ въ Москвѣ, значитъ будутъ праздненства. Бѣлокаменная всегда ликуетъ, когда монархъ почтитъ ее своимъ присутствіемъ. Алексѣй Іоновичъ нанялъ домъ въ Москвѣ на три мѣсяца и зимнимъ путемъ поѣхалъ съ двумя старшими дочерьми, Евдокіей и Софьей, въ столицу. Расчетъ былъ вѣрный. Государь былъ въ Москвѣ, и едва успѣли сшить на Кузнецкомъ мосту бальныя платья для калужскихъ барышень, дѣвицъ Прончищевыхъ, какъ зимній сезонъ открылся баломъ, который монархъ почтилъ своимъ присутствіемъ. Это былъ первый выѣздъ дѣвицъ Прончищевыхъ, но какъ далеки онѣ были отъ мысли, что онъ будетъ и послѣдній. Дня три спустя послѣ этого бала, Алексѣй Іоновичъ приказалъ дочерямъ свечера укладываться и собираться въ

дорогу. На утро подвезли подъ крыльцо просторный деревенскій возокъ, и богимовскій властелинъ увезъ дочерей восвояси.

Домашніе удивились этому быстрому возвращенію изъ столицы, сосѣди еще болѣе; пошли разные толки, но прадѣдъ отмалчивался, и никто не узналъ причины этой внезапной перемѣны въ его предположеніяхъ. Наёмъ дома въ Москвѣ такъ ни къ чему и не повелъ. Видно, не всегда можно стремиться къ своей цѣли безпрепятственно. Бабушка, которая разсказывала объ этомъ моей матушкѣ, объясняла быстрое возвращеніе прадѣда изъ столицы страхомъ его за старшую дочь, которая своей красотой обратила на себя вниманіе государя, такъ что на другой день послѣ бала было сдѣлано изъ дворца освѣдомленіе о чинѣ отца калужской красавицы.

— Батюшка, — говорила бабушка,—не желалъ фавора для сестры при дворѣ и скорѣе увезъ ее въ деревню. Матушка моя видѣла эту тетку моего отца, когда она была ужъ не молода, но и тогда она еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты.

По возвращеніи изъ Москвы прадѣдъ, будто осердясь за неудачную поѣздку, поспѣшилъ найти дочерямъ жениховъ въ деревнѣ. Старшую, красавицу Евдокію, выдалъ замужъ за князя Якова Алексѣевича Несвицкаго, человѣка богатаго, но мало подходящаго ей по лѣтамъ: ей было 17, а супругу ея подъ семьдесятъ [1]). Вторая дочь, Софья, была выдана за Арбузова. Алексѣй Іоновичъ наградилъ дочерей хорошимъ приданымъ.

VII.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты.

Чтобы лучше выяснить предъ читателемъ характеръ бабушки Екатерины Алексѣевны, считаю полезнымъ дать ему понятіе о ея друзьяхъ. Она являлась до сихъ поръ въ своей семьѣ передъ его глазами, какъ дочь деревенскаго сквайра, т.-е. помѣщика 1770 годовъ; посредствомъ же ея друзей я надѣюсь дать болѣе обширное понятіе о ея мѣстѣ и значеніи въ обществѣ.

Я живо помню прекрасный портретъ у бабушки, которымъ она очень дорожила. Это былъ поясной портретъ, писанный на полотнѣ масляными красками въ Италіи. Лице какъ живое, а соболь

---

[1]) Князья Несвицкіе, бывшіе удѣльные князья города Несвижа, въ настоящее время уѣзднаго города Минской губерніи, происходятъ, по всей вѣроятности, отъ древнихъ мѣстныхъ литовскихъ «кунигасовъ», но не дома Гедимина. Предокъ ихъ, князь Василій Несвижскій, выѣхалъ изъ Литвы на службу московскаго государя въ 1508 г. (см. Руммель и Голубцовъ: «Родословный сборникъ», т. II, стр. 166).

Д. К.

и пунцовый бархатъ коцевейки, накинутой на плеча старушки, которая на немъ изображена, хочется погладить рукой, такъ мастерски они вышли на полотнѣ подъ кистью художника. То не былъ портретъ, напоминающій молодую пору жизни, но передъ вашими глазами является умное лице старушки съ тѣмъ пытливымъ взоромъ, который будто приглашаетъ не горячиться, глядя на суеты міра сего; улыбка на устахъ, немного лукавая по-женски, и выраженіе этого лица возбуждаютъ въ васъ желаніе познакомиться съ тою, которую вы видите тутъ на полотнѣ. Оборка тюлеваго чепца, бриды и бантикъ изъ газовыхъ лентъ, вышивка гладью на батистовомъ бѣломъ шарфѣ, который пышно лежитъ вокругъ шеи надъ большимъ собольимъ воротникомъ коцевейки,—всѣ эти детали превосходно исполнены; то былъ портретъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой.

Бабушка Екатерина Алексѣевна часто ѣздила гостить въ Жарки, калужское имѣнье Кологривовыхъ, въ 12-ти верстахъ отъ нашего Богимова. Между нею и Прасковьей Юрьевной велась давняя и тѣсная дружба. Прасковья Юрьевна Кологривова была въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ, который былъ убитъ во время варшавскаго возмущенія въ 1795 году. Княгиня Прасковья Юрьевна удивила въ то время своимъ мужествомъ; вѣсть, что супругъ ея убитъ, достигла до нея ночью; не медля ни минуты, княгиня, взявъ съ собой нѣсколько солдатъ съ фонарями, отправилась на мѣсто кровавой драмы и отыскала трупъ князя между убитыми. Въ эту минуту ее арестовали, и она такъ же, какъ и многія другія русскія дамы въ то время, находилась нѣсколько дней подъ стражей и въ заключеніи.

При жизни перваго своего супруга, по положенію и богатству, Прасковья Юрьевна принадлежала къ высшему кругу петербургскаго общества; въ молодости она бывала при дворѣ императрицы Екатерины и пользовалось тамъ общимъ уваженіемъ. Она была хорошо образована, очень умна и держала себя всегда очень самостоятельно, не увлекаясь скептическимъ направленіемъ, которое преобладало тогда въ обществѣ. При дворѣ ее называли ханжей, тѣмъ не менѣе уважали за благочестіе и скромность. Про нее разсказывали слѣдующее. Однажды (не могу утверждать, чтобъ это было во дворцѣ, однако, говорятъ, въ присутствіи императрицы Екатерины) Потемкинъ сидѣлъ въ обществѣ на вечерѣ подлѣ княгиня Прасковьи Юрьевны; въ разговорѣ съ нею осмѣлился сказать молодой и прекрасной княгинѣ Гагариной какую-то двусмысленность. Недолго думая, княгиня подняла руку и дала ему очень громкую пощечину. Это тогда надѣлало много шуму при дворѣ.

Послѣ смерти перваго супруга княгиня Гагарина осталась вдовою съ большою семьей на рукахъ и съ крупнымъ, но разстроеннымъ состояніемъ; она тяжело переживала потерю мужа, желала

уединенія отъ мірскихъ суетъ, но, имѣя много дочерей, должна была для нихъ поддерживать свѣтскія и придворныя связи. Тогда на пути ея жизни встрѣтился человѣкъ, который принялъ въ ней и ея дѣлахъ большое участіе: это былъ Петръ Алексѣевичъ Кологривовъ. Онъ помогъ распутать какой-то процессъ по имѣнію покойнаго князя Гагарина, затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлался вторымъ супругомъ княгини Прасковьи Юрьевны, которая умѣла оцѣнить его здравый умъ и доброе сердце.

Старшія дочери [1]) ея были тогда уже замужемъ и неблагосклонно смотрѣли на отчима; несмотря на это, между стариками супругами Кологривовыми была полна гармонія. Они часто жили въ ихъ калужскомъ имѣніи, Жаркахъ. Прасковья Юрьевна говорила, что тамъ она отдыхаетъ отъ столичнаго шума; Кологривовы въ Жаркахъ почти никого не принимали, кромѣ людей самыхъ близкихъ, въ числѣ которыхъ была и бабушка моя, Екатерина Алексѣевна Прончищева.

Дружба Прасковьи Юрьевны имѣла большое значеніе для бабушки; она отдыхала тамъ въ домѣ этой большой барыни (grande dame) отъ тяжелой жизни въ домѣ отца. Нравы въ домѣ Кологривовыхъ были очищены отъ сора помѣщичьей, безотрадной, будничной жизни въ Богимовѣ. Вмѣсто расправы съ крѣпостными, у Кологривовыхъ она встрѣчала заботу о рабахъ, попеченіе о нихъ. И эти лучи свѣта очищали ея душу отъ предразсудковъ, среди которыхъ она провела свое дѣтство и юность, а уваженіе и дружба Прасковьи Юрьевны поддерживали ея мужество на пути ея самоотверженной жизни. Я помню какъ любила бабушка разсказывать о благочестивой жизни у Кологривовыхъ, о привычкахъ, вкусахъ и мнѣніяхъ Прасковьи Юрьевны. По возвращеніи изъ Жарокъ, бабушка привозила домой изящные канвовые узоры, выкройки, рецепты для вареній, пирожныхъ; это радовало ее и вносило движеніе въ ея одинокую жизнь въ старости; ранѣе же ей было еще болѣе потребности въ нравственной поддержкѣ, которую она получала отъ дружбы съ Кологривовой.

Григорій Ильичъ Раевскій приходился двоюроднымъ братомъ бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (кажется, по Бахметевымъ). Я хорошо его помню. Онъ сохранилъ въ своей внѣшности и манерахъ формы и пріемы дворянина временъ императора Павла Петровича. Рѣчь его была цвѣтиста, онъ отличался утонченною вѣжливостью, нѣкоторою сентиментальностью тогдашняго романтизма. Онъ ни за что не хотѣлъ слѣдовать новѣйшимъ модамъ, но одѣвался по послѣдней модѣ своей юности. Сюртуки его были очень длинны, жабо и манжеты большихъ размѣровъ и ослѣпительной бѣлизны.

---

[1]) Одна была замужемъ за княземъ Четвертинскимъ, другая за княземъ Вяземскимъ, и остальныя ея дочери сдѣлали блестящія партіи. Е. С.

Рѣдко можно было встрѣтить такого изящно-красиваго старца, каковъ былъ Раевскій; матушка моя очень его любила и была расположена думать, что въ его жизни долженъ былъ произойти какой нибудь романъ. И когда впослѣдствіи она пріобрѣла полное довѣріе бабушки, та довѣрила ей слѣдующее сказаніе о Григорьѣ Ильичѣ. Какъ близкій родственникъ, онъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ, часто бывалъ и гостилъ въ Богимовѣ. Затѣмъ онъ страстно влюбился въ старшую ея сестру, Евдокію Алексѣевну, но въ тѣ времена мысли о бракѣ между такими близкими родственниками и быть не могло. Тутъ совершилась неудачная поѣздка въ Москву прадѣда съ дочерьми, быстрое возвращеніе, и сейчасъ же послѣ этого двѣ свадьбы: Евдокія Алексѣевна сдѣлалась княгинею Несвицкой. Съ великимъ прискорбіемъ и борьбой вынесъ Григорій Ильичъ потерю любимой дѣвушки; онъ уѣзжалъ тогда куда-то на долгое время и не возвращался въ ихъ семью, пока не пережилъ остраго періода своего горя, затѣмъ долженъ былъ покориться дѣйствительности, и княгиня, которая была женщина суетная и тщеславная, не оцѣнила его страданій. Но Екатерина Алексѣевна очень сочувствовала Григорію Ильичу, вела съ нимъ постоянную переписку, и между ними установилась самая тѣсная дружба, продлившаяся до конца ихъ жизни.

Княгиня Несвицкая была любимою дочерью Алексѣя Іоновича. Бабушка говаривала всегда, что прадѣдъ никогда не перечилъ Дунюшкѣ, только бы съ ней не разставаться. Князь Несвицкій былъ очень богатый человѣкъ и имѣлъ большія вотчины въ Калужской же губерніи, но рѣдко ѣздилъ въ свои имѣнія, а постоянно гостилъ у тестя въ Богимовѣ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ.

По разсказамъ бабушки, да и по семейнымъ преданіямъ, ясно видно, что она несла ношу всѣхъ жизненныхъ тягостей въ своей семьѣ. Княгиня Несвицкая наряжалась, ѣздила по гостямъ, а Екатерина Алексѣевна вела хозяйство и занималась воспитаніемъ дѣтей сестры Несвицкой, которыхъ было восемь человѣкъ, затѣмъ она же воспитала моего отца и осиротѣвшую племянницу Арбузову (дочь сестры ея Софьи Алексѣевны), которая рано лишилась матери. Князь и княгиня Несвицкіе скончались тоже весьма скоро одинъ за другимъ, и ихъ семья тогда уже не разставалась съ Екатериной Алексѣевной; она же и вывозила племянницъ въ Москвѣ, живя въ домѣ Несвицкихъ зимою на Прѣсненскихъ прудахъ, и въ эту пору жизни Григорій Ильичъ много помогалъ ей въ ея заботахъ. Онъ не имѣлъ своей семьи, былъ человѣкъ богатый и независимый, его воздержная, скромная жизнь давала ему права на полное уваженіе въ обществѣ; для осиротѣвшей семьи Несвицкихъ онъ сдѣлался другомъ и руководителемъ. У нихъ въ семьѣ его всѣ любили и почитали: безъ совѣта дядюшки Григорія Ильича

ничего серіознаго не предпринималось. Мой батюшка, который воспитывался еъ Несвицкими въ домѣ прадѣда, любилъ и уважалъ Григорья Ильича, какъ родного отца.

VIII.

Ромео и Юлія въ селѣ Богимовѣ.

У батюшки моего было бюро изъ карельской березы очень хорошей работы. Оно стояло въ его кабинетѣ подлѣ большого вольтеровскаго кресла прадѣда. Ключъ отъ ящиковъ этого бюро былъ очень оригинальной формы, съ сердечкомъ въ верхней части, тяжелый и гладко отшлифованный. Когда отпираешь ящикъ стола, то замокъ издаетъ дискантовый, металлическій звукъ весьма пріятный. Я съ раннихъ лѣтъ пользовалась довѣріемъ моего отца и была дѣвочкой лѣтъ десяти, когда онъ довѣрялъ мнѣ этотъ ключъ, и я знала, гдѣ лежатъ его бумаги, портфели, деньги и нѣкоторыя цѣнныя вещи: кольца, дѣдовскія табакерки, часы. Батюшка мой былъ очень брезгливъ, имѣлъ много причудъ и предразсудковъ, и я одна въ домѣ умѣла ему угождать. Напримѣръ, если онъ довѣрялъ кому нибудь ключъ отъ своего стола, то требовалъ, чтобъ оный возвращали ему изъ рукъ въ руки. Боже упаси положить ключъ на столъ противъ него!—это его сильно раздражало, ибо есть примѣта, что ключъ, не возвращенный хозяину изъ рукъ въ руки, предвѣщаетъ ссору въ домѣ. Точно также опрокинутая солонка заставляла блѣднѣть моего отца, и сколько разъ эти солонки летали у насъ со стола—лѣтомъ въ окно, зимою въ форточку, какъ бы для того, чтобы разрушить силу предвѣщанія; тринадцати человѣкъ у насъ за столъ никогда не садилось.

Батюшка мой былъ нервный, какъ женщина, и страдалъ всегда припадками меланхоліи, скуки, тоски какой-то. Матушка моя, которая была напротивъ очень живая и дѣятельная, порицала эти припадки, и батюшка призывалъ меня часто къ себѣ въ такія тяжелыя минуты и заставлялъ меня болтать съ нимъ: это его развлекало. Въ домѣ говорили, что я его любимица и сходна съ нимъ какъ характеромъ, такъ и наружностью. Бабушка тоже говаривала моему отцу про меня: «Катя—точно твоя покойная мать, Алеша, вылитая Юлія Ивановна!» Я очень поздно начала помнить, чтобы въ семьѣ поминали о родителяхъ батюшки. Впрочемъ, именно въ этомъ бюро, вмѣстѣ съ портфелемъ, гдѣ хранилась его дворянская грамота, лежалъ небольшой пакетъ, на который я долго не обращала большого вниманія, но однажды батюшка показалъ мнѣ, что лежало въ этомъ пакетѣ, сказавъ: «Вотъ работа моей матушки—единственное, оставшееся мнѣ о ней воспоминаніе». Работа эта

была такая изящная и художественная, что послѣ я никогда въ жизни не встрѣчала ничего подобнаго. То былъ кисетъ для табаку изъ бѣлаго атласа, по сторонамъ котораго были вышиты волосами въ тѣнь два наивные ландшафта: одинъ представлялъ хижину въ лѣсу, ручей, мостикъ, другой—аллею сада. На полянкѣ мавзолей въ видѣ колонны. Перспективность ландшафта доказывала въ исполнительницѣ работы знакомство съ живописью, вообще эта работа была тонкая, требующая большого терпѣнія и искусства.

Засимъ вотъ романъ моего дѣдушки, Владимира Алексѣевича Прончищева, который мнѣ разсказывала моя матушка гораздо позднѣе, когда я была уже большой дѣвицей. Владиміръ Алексѣевичъ служилъ долго въ военной службѣ въ Остзейскомъ краѣ, и полкъ его стоялъ въ Ревелѣ. Онъ былъ моложе своихъ сестеръ, былъ отцемъ не любимъ, и о немъ въ семьѣ мало заботились. Въ Ревелѣ молодой Прончищевъ полюбилъ молодую дѣвушку по фамиліи Борнеманъ [1]) и женился на ней: ей было тотда 16 лѣтъ. Въ бракъ этотъ Владиміръ Алексѣевичъ вступилъ, не спрося на то дозволенія у родителей. Затѣмъ молодая чета пріѣхала въ Богимово; они бросились къ ногамъ Алексѣя Іоновича, умоляя о прощеніи, и просили ихъ благословить. Но не таковъ былъ прадѣдъ, чтобы прощать: ему было свойственно порицать и наказывать. Онъ прогналъ сына и невѣстку съ глазъ долой и повелѣлъ молодымъ занять избу на скотномъ дворѣ для ихъ помѣщенія.

Мать моей бабушки, Юліи Ивановны, пріѣхала съ молодыми въ Богимово; можно себѣ вообразить положеніе этихъ двухъ остзейскихъ нѣмокъ, не знавшихъ ни слова по-русски и вступившихъ такъ неосторожно въ семью прадѣда.

Бабушка Екатерина Алексѣевна разсказывала, какъ трогательна и прелестна была молоденькая супруга ея брата, какъ хорошо воспитана, кротка и наивна. Бабушка сердечно къ ней привязалась и старалась чѣмъ могла смягчить горькую участь молодыхъ людей въ домѣ ихъ гнѣвнаго родителя.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такой тяжелой драмы въ семьѣ, и срокъ отпуска изъ полка моего дѣда кончался, а отецъ не снималъ опалы съ сына, не слушая просьбъ родныхъ, которые всѣ старались смягчить его гнѣвъ. Такъ и уѣхалъ Владиміръ Алексѣевичъ въ полкъ, поручивъ жену бабушкѣ. Взять же ее съ собой онъ не рѣшился, ибо она была въ тягости и очень слаба здоровьемъ.

Екатерина Алексѣевна со слезами разсказывала моей матушкѣ

---

[1]) Я впослѣдствіи была съ моими родителями въ Ревелѣ, и тамъ мы нашли родственниковъ моей покойной бабушки Юліи Ивановны. То были все люди почтенные и образованные и были въ родствѣ съ Лидерсами, фамилія которыхъ является часто на страницахъ нашей отечественной исторіи. Е. С.

объ этомъ печальномъ времени ея жизни. «Здоровье невѣстки послѣ отъѣзда брата дѣлалось все хуже и хуже», говорила она, «приближалось время родовъ, а батюшка ничего не хотѣлъ слушать о невѣсткѣ. Такъ прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ батюшкѣ подали съ почты письмо изъ Ревеля. Полковой командиръ брата извѣщалъ батюшку, что сынъ его, Владимиръ Алексѣевичъ Прончищевъ, не доѣхавъ даже до Ревеля, заболѣлъ тифомъ въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ варшавскомъ военномъ госпиталѣ. Это извѣстіе сильно поразило батюшку, онъ тогда смягчился къ невѣсткѣ, приказалъ сей же часъ отвести ей покои въ домѣ, принялъ ее съ почетомъ, даже нѣжностью. Бѣдняжка вскорѣ послѣ кончины любимаго мужа разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Алеша,—продолжала бабушка,—родился такимъ слабымъ ребенкомъ, но въ рубашечкѣ, и я ее храню до сихъ поръ.

«Послѣ родовъ Юлія Ивановна начала пуще чахнуть, слабѣла не по днямъ, а по часамъ. Каково скорбно было ея матери видѣть дочь въ такомъ положеніи!

«Батюшка пожелалъ, чтобы брата похоронили въ Богимовѣ, и сдѣлалъ для того нужныя распоряженія. Тогда Юлія Ивановна начала сильно томиться и все ожидала, когда привезутъ тѣло покойника, она просила не разлучать ея съ мужемъ въ могилѣ, пожелала перейти въ лоно нашей церкви, и таинство присоединенія къ православію успѣли надъ ней совершить. Желаніе ея лечь въ одну могилу съ мужемъ исполнилось: она скончалась, когда показался на горѣ мимо нашей старой церкви гробъ съ останками ея супруга. И такъ ихъ и отпѣвали вмѣстѣ и положили въ одну могилу въ нашемъ семейномъ склепѣ. Алешу она поручила мнѣ и своей матери».

Вотъ какая тяжелая драма встрѣтила появленіе моего отца на свѣтъ Божій! Преданіе говоритъ, что прадѣдъ смягчился послѣ потери сына и невѣстки. Передъ колыбелью внука онъ плакалъ и молилъ Бога простить ему его жестокосердіе. Къ внуку тоже сильно привязался. Насколько Алексѣй Іоновичъ былъ равнодушенъ къ сыну, настолько баловалъ онъ внука и воспитывалъ его, какъ единственнаго наслѣдника Богимова, да и другихъ его вотчинъ.

Е. А. Сабанѣева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).